

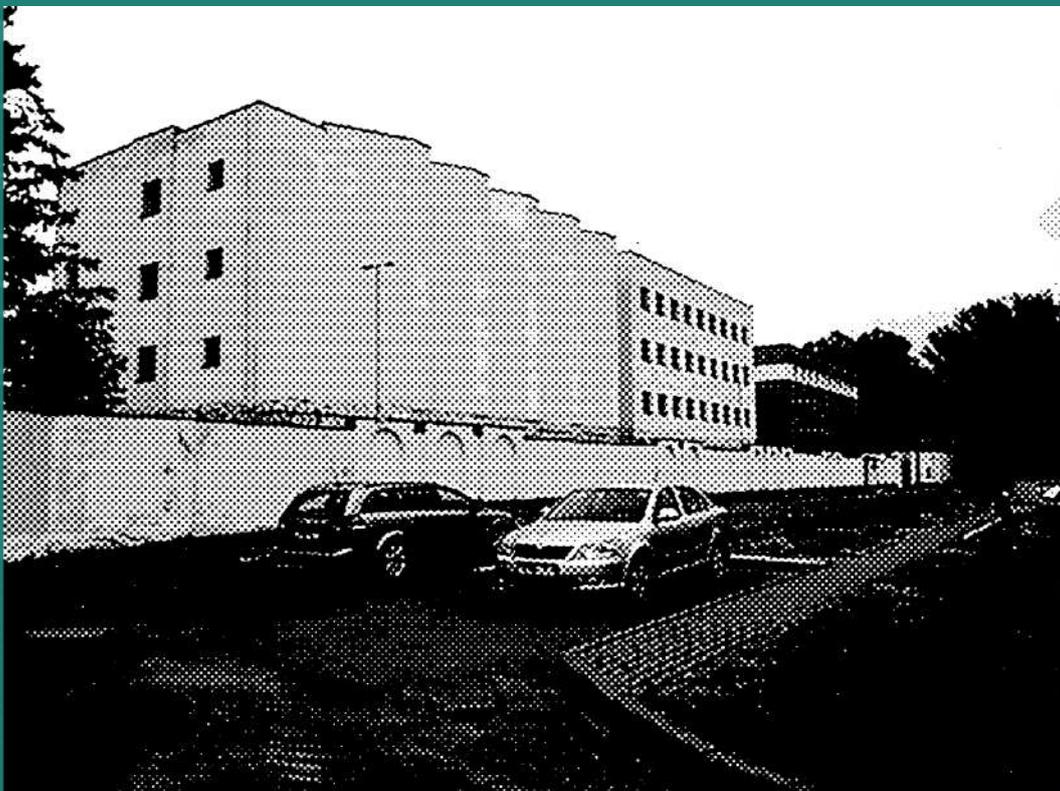
МЕЖДУНАРОДНЫЙ
КОМИТЕТ

ПО РАССЛЕДОВАНИЮ
ПЫТОК В БЕЛАРУСИ

«Вы сдохнете здесь»

Узники Окрестина свидетельствуют

*Общественное расследование случаев массовых пыток
в Центре изоляции правонарушителей города Минска
9–14 августа 2020 года.*

Содержание

Введение	4
Резюме	5
9 августа 2020 года	7
Окончание голосования на выборах президента. Задержания в Минске	7
19:00 — 24:00	7
Двор ЦИП, «коридор» из силовиков	7
Прогулочные дворики ЦИП	9
Камеры, коридоры ЦИП	9
10 августа 2020 года	11
Двор ЦИП	11
Прогулочные дворики ЦИП	12
Камеры, коридоры ЦИП	13
07:00 — 24:00	16
Двор ЦИП	16
Прогулочные дворики ЦИП	17
Камеры, коридоры ЦИП	17
11 августа 2020 года	21
00:00 — 07:00	21
Двор ЦИП	21
Прогулочные дворики ЦИП	22
Камеры, коридоры ЦИП	22
07:00 — 24:00	24
Двор ЦИП	24
Прогулочные дворики ЦИП	24
Камеры, коридоры ЦИП	25
12 августа 2020 года	27
00:00 — 07:00	27
Двор ЦИП	27
Прогулочные дворики ЦИП	28
Коридор ЦИП, камеры	28
07:00 — 24:00	29
Двор ЦИП	29
Прогулочные дворики ЦИП	29

Камеры, коридоры ЦИП	30
13 августа 2020 года	33
00:00 — 07:00	33
Двор ЦИП	33
Прогулочные дворики ЦИП	34
Камеры, коридоры ЦИП	35
07:00 — 24:00	36
Двор ЦИП	36
Прогулочные дворики ЦИП	36
Камеры, коридоры ЦИП	37
14 августа 2020	38
00:00 — 07:00	38
07:00 — 24:00	38
Побои, травмы, повреждения у пострадавших от насилия людей	40
Фото из кейсов потерпевших, которые были опрошены Международным комитетом по расследованию пыток в Беларуси	44
Фото из отчета «Беларусь: скоординированная политика пыток. Судебно-медицинская экспертиза 50 случаев пыток»	46
Лица, ответственные за пытки задержанных в Центре изоляции правонарушителей	49
Правовая квалификация действий сотрудников силовых органов Беларуси	56

Введение

После фальсификации выборов президента 9 августа 2020 года по Беларуси начались массовые мирные протесты. Ответными действиями режима стало применение силовиками оружия, свето-шумовых гранат, слезоточивого газа. Силовики массово задерживали и избивали протестующих. Неоправданная жестокость в отношении мирных демонстрантов продолжалась и после задержаний.

Среди задержанных были не только непосредственные участники протестов. Силовики хватали и несовершеннолетних, людей пенсионного возраста, людей с инвалидностью, а также случайных прохожих.

Задержанных в городе доставляли в разные учреждения внутренних дел. В Минске основным местом содержания задержанных стал Центр изоляции правонарушителей ГУВД Мингорисполкома, расположенный по адресу 1-й переулок Окрестина, 36¹ (далее — ЦИП).

За пять дней (9–14 августа 2020 года) через ЦИП, рассчитанный на содержание 110 человек, силовики «прогнали» более трех тысяч задержанных.

Все задержанные подвергались унижительным процедурам при размещении в ЦИП, жестоким избиениям, содержались в нечеловеческих условиях в переполненных камерах без еды и воды по двое и более суток. Людей избивали при любой попытке выяснить свой статус, требовать соблюдения своих прав и медицинской помощи. В избиениях участвовали как сотрудники ЦИП, так и силовики из ОМОНа (см. видео со свидетельствами задержанных²).

13 августа 2020 года белорусские правозащитники обратились к министру МВД Юрию Караеву с требованием прекратить издевательства в ЦИП и других местах содержания задержанных и расследовать случаи пыток³.

Заместитель главы МВД Беларуси Александр Барсуков сначала заявил, что «издевательств никаких не было»⁴. На следующее утро он уточнил, что «в камере никого не избивали»⁵.

Одновременно с такими заявлениями, задержанных продолжали избивать, о чем имеются многочисленные свидетельства, в том числе, в виде аудиозаписей.

В ночь с 12 на 13 августа родственники содержащихся в ЦИП на Окрестина записали звуки непрекращающихся избиений, которые были хорошо слышны на улице. На записях слышны голоса людей, громко кричащих от боли и молящих о пощаде⁶.

14 августа начали массово выпускать задержанных. Некоторых вывозили на машинах скорой помощи. Вышедшие на свободу показали свои раны и травмы от пыток.

1. <https://minsk.gov.by/ru/page/centr-izolyacii-pravonarushitelej>

Нарицательное название «Окрестина» на протяжении многих лет ассоциируется в Беларуси с незаконными задержаниями граждан по политическим мотивам. Это место стало символом пыток мирных граждан, несогласных с фальсификациями на выборах, участников протестов в 2020–2022 годах.

2. <https://www.youtube.com/watch?v=tikikCluPrk>

3. <https://www.legin.by/posts/255>

4. <https://www.youtube.com/watch?v=Du6ZvyHmTGE>

5. <https://t.me/radiosvaboda/5873>

6. <https://www.youtube.com/watch?v=Ml6-w1mL9BM&t=4s>

Резюме

ЦИП на Окрестина. Фото Еврорадио

В основу этого доклада положена информация из свидетельств 101 потерпевшего (1095 страниц документов), которые 9 — 14 августа 2020 года содержались в Центре изоляции правонарушителей в 1-м переулке Окрестина, 36 в Минске. Для целей публикации многие из свидетелей были опрошены дополнительно. Также эксперты Международного комитета по расследованию пыток в Беларуси тщательно изучили предоставленные опрошенными медицинские и иные документы.

В этой публикации в хронологическом порядке приводится описание пребывания задержанных в ЦИП, а также условий, в которых они содержались. Фокус сделан на основные локации: двор ЦИП, где людей выгружали из автозаков; прогулочные дворики, где их по 2-3 часа и более держали до распределения по камерам (некоторые находились там несколько суток); камеры и коридоры ЦИП. В любом месте изолятора люди сталкивались с жестокими избиениями, психологическим давлением и оскорблениями со стороны сотрудников ЦИП (в том числе медицинских работников), а также силовиков из других подразделений правоохранительной системы страны.

Задержанные свидетельствуют о невероятной переполненности камер, в которых их содержали, антисанитарии и отсутствии элементарных туалетных и гигиенических принадлежностей, питьевой воды и еды на протяжении нескольких суток, несмотря на установленные нормы и правила содержания⁷.

Целенаправленно содержав людей в перенаселенных камерах в разгар пандемии Covid-19, сотрудники ЦИП подвергали опасности их здоровье и жизни. Больные и нуждающиеся в постоянном приеме медицинских препаратов, а также травмированные и раненые не получали неотложной медицинской помощи, что обернулось тяжелыми последствиями для здоровья многих из них (см. раздел [Побои, травмы и повреждения людей](#)). Скорую медицинскую помощь задержанным вызывали в исключительных случаях.

Условия содержания в ЦИП расцениваются экспертами Международного комитета по расследованию пыток в Беларуси как жестокие, а в некоторых случаях эти условия достигали уровня пыток.

7. <https://minsk.mvd.gov.by/ru/news/4411>

Массовые избиения, психологическое и физическое насилие со стороны сотрудников силовых структур, в том числе сотрудников ЦИП, сопровождали задержанных на протяжении всего времени их пребывания в изоляторе.

Скоротечные суды, проходившие над задержанными в здании ЦИП, не отвечали принципам справедливого суда. Людям не давали возможности ознакомиться с протоколами задержаний, во многих случаях информация в них была неверная и вымышленная. В предоставлении адвоката отказывали, иногда за это требование избивали.

При таких обстоятельствах отраженные в настоящем докладе действия силовиков ОМОН и ЦИП ГУВД Мингорисполкома в отношении задержанных людей являются преступными как по внутреннему, так и по международному праву (см. раздел [Правовая квалификация действий сотрудников правоохранительных органов](#)).

Анализ интервью потерпевших и дополнительные опросы с целью опознания силовиков позволили идентифицировать некоторых должностных лиц ЦИП, принимавших участие в пытках и жестоким обращении с задержанными (см. раздел [Лица, ответственные за пытки задержанных в Центре изоляции правонарушителей](#)).

По причине непрекращающихся репрессий в отношении пострадавших в докладе не приводятся их настоящие имена и фамилии и избегаются описания, с помощью которых можно идентифицировать людей. Цитаты из интервью потерпевших в документе выделены курсивом.

Данная публикация является еще одним документальным свидетельством преступлений против человечности, совершенных режимом после выборов президента в Республике Беларусь в августе 2020 года.

Необходимо отметить, что жестокие условия содержания в ЦИП и отношение к задержанным, которые можно приравнивать к пыткам, с августа 2020 года по настоящее время⁸ практически не изменились. Это подтверждают многочисленные свидетельства потерпевших, отбывавших административные аресты в данном учреждении в 2021–2023 годах.

Одним из вопиющих примеров пыток в отношении задержанных является факт издевательств над правозащитницей Настой Лойко, которая заявила в суде, что 11 ноября 2022 года один из сотрудников ЦИП вывел ее во внутренний дворик и оставил без верхней одежды на восемь часов. В результате этого Наста сильно заболела⁹.

8. Февраль 2023 года.

9. <https://news.zerkalo.io/life/26113.html>

9 августа 2020 года

Окончание голосования на выборах президента. Задержания в Минске

На протяжении всего дня голосования 9 августа в Минске проходили точечные задержания — многих забирали прямо с избирательных участков. В основном это были независимые наблюдатели и местные активисты. В городе людей задерживали ОМОН, СОБР, милиция и другие подразделения силовиков. Задержанных доставляли в РУВД города, там фальсифицировали протоколы, после чего отвозили в изолятор на Окрестина и другие места содержания. Однако некоторых задержанных, не доставляя в РУВД, везли сразу в ЦИП и другие места содержания.

В этот день в ЦИП задержанные стали поступать в промежутке 18:00–20:00 часов. После 22:00 часов количество доставляемых людей быстро увеличилось. Большинство из них привозили в автозаках и небольших городских автобусах.

19:00 — 24:00

Двор ЦИП, «коридор» из силовиков

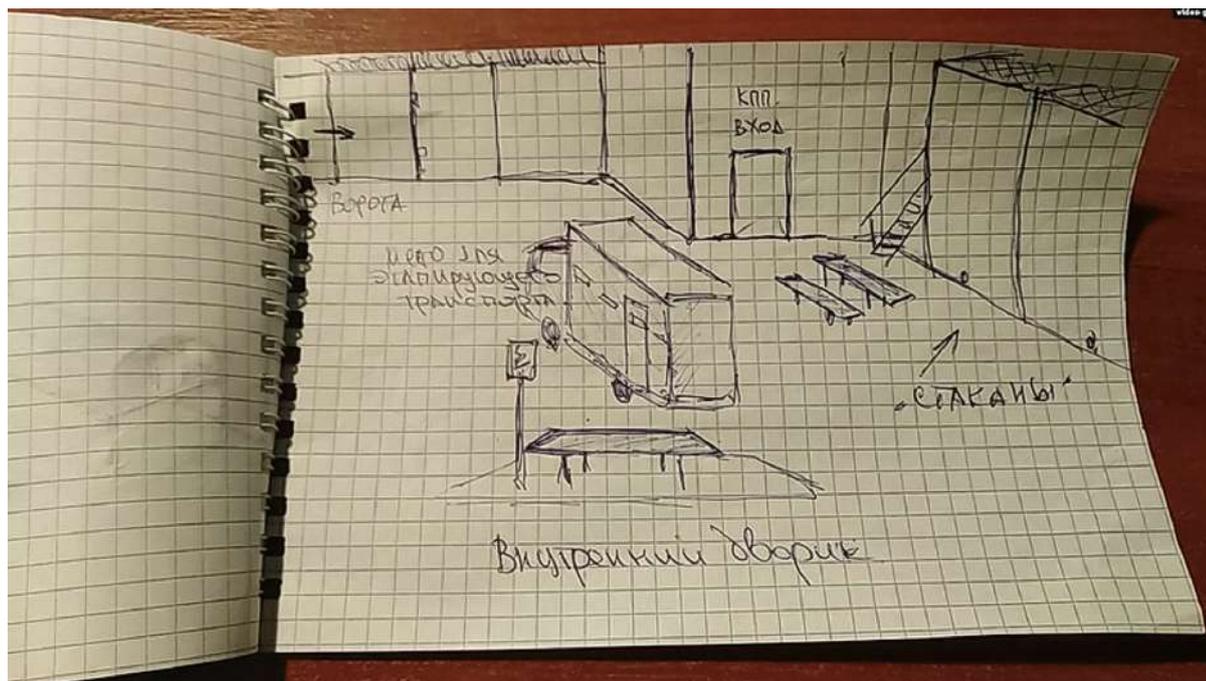

Схема внутреннего дворика ЦИП на Окрестина. Рисунок одного из задержанных. Фото с сайта: <https://www.currenttime.tv/a/belarus-minsk-okrestina/30881162.html>

Всех, кого привозили в ЦИП на Окрестина, выгружали из транспорта во дворе. Часть задержанных силовики заводили в здание центра изоляции. Тех, кто оставался во дворе, ставили вдоль забора лицом к стене с низко опущенной головой.

Пострадавший, которого около 21:00 доставили из РУВД на Окрестина, описал то, что он увидел во дворе в первые минуты после прибытия:

«Я видел, что на улице вдоль забора на коленях стояли люди, слышал их крики, и было понятно по звуку, что им наносят удары дубинками. Далее я увидел

девушек, стоящих лицом к стене, нам также сказали опустить голову, то есть не смотреть. Нас также поставили лицом к стене».

После выхода из автозака задержанных прогоняли через «коридор» из силовиков. Потерпевшие описывают, что им приходилось бежать с завязанными руками, опущенной головой, в полуприседе мимо стоящих по обе стороны людей в черной форме, которые **нещадно избивали их дубинками**.

«Когда я развернулся, на уровне моих глаз было смотровое отверстие [в автозаке], я мог видеть выход. Я увидел так называемый „коридор“, когда задержанных выводили, их всех избивали».

Задержанные выбегали из автозаков, некоторое время бежали через «коридор» из силовиков и становились возле здания, лицом к стене, руки сзади. На все вопросы и просьбы (о воде, медицинской помощи, адвокате) им в ответ следовали удары дубинками, берцами.

Перед входом в помещение были расставлены столы, на которых должен был проводиться осмотр с описью личных вещей. Пока люди двигались вдоль стены, им дали команду снимать часы, браслеты, кольца, цепочки, телефоны, доставать шнурки из кроссовок, ремни. Силовики запрещали смотреть куда-либо — им в лицо, в сторону, вертеть головой. Если кто-то встречался взглядом с силовиками, его незамедлительно избивали дубинками.

Некоторым задержанным «повезло» больше — их не прогоняли через «коридор» из дубинок. В 23:30 группу людей поставили вдоль стены с другой стороны от забора и начали переписывать данные. Один парень пытался объяснить, что он иностранный гражданин. Сотрудники ему отвечали: *«Стой, блядь, я тебе сказал. Я тебе сейчас покажу, блядь! Заткнулся! Стоять, блядь! Поворачивайся! Сука!»* Позже иностранных граждан (таких было несколько) отделили от остальных.

Дальше силовики стали действовать более жестко. Практически всех прибывающих нещадно избивали уже при выходе из автозаков.

«Нам приказали стоять на коленях на бетонном полу с поднятыми руками, упертыми в стену. У меня руки были по-прежнему сцеплены сзади. Так мы стояли час или полтора, ждали пока приедут другие автозаки с задержанными. Когда они прибыли, нам сказали ползти на коленях влево по периметру. Ползли по стеклу, по камням, весь этот процесс сопровождался ударами дубинок. Это было долго. Колени и в целом ноги затекли и двигаться было крайне сложно. У всех ноги были стертые в кровь. Когда плохо полз, получал удары дубинками по спине. Иногда били просто проходя мимо, без всякой причины».

В ярком свете прожекторов люди выбегали из автобусов и, согнувшись, бежали к стене.

«Это было двадцать или тридцать, может, сорок метров. От стены до автозака была очередь, и пока мы бежали, нас били дубинками. ...собаки там были, овчарки, кажется, потому что пушисто черно-коричневые пасти были у них и они клацали у самого лица. ... возле стены мы встали, и надо было стоять на коленях, руки кверху, голову вниз».

Вдоль второй стены-забора тоже стояли люди, около 50 человек. Прибывающие отмечали, что они там находились уже достаточно долго: кто стоял, кто лежал, посередине газона лежал мужчина весь в крови, рядом с ним стояла скорая медицинская помощь.

Некоторых прибывающих оформляли быстро (переписывали паспортные данные), отбирали личные вещи и сразу разводили по камерам. Людей было много, поэтому их размещали буквально во всех пригодных для этого помещениях. Некоторые потерпевшие рассказывали, что по прибытии их загнали в подвал, где находилось от 70 до 100 человек.

Прогулочные дворики ЦИП

Задержанных размещали во двориках для прогулок административно арестованных лиц. По их описаниям, «дворик для прогулок — это бетонная комната четыре на пять метров, сверху накрыта решеткой. Ячейка решетки — примерно одна пачка сигарет, пачка сигарет — десять сантиметров».

Прогулочный дворик ЦИП.

Фото с сайта <https://www.the-village.me/village/city/cityguide/284613-jail-prison>

Двориков для прогулок было несколько. В них было очень много людей. Поначалу туда помещали по 20 человек, но по мере прибытия новых задержанных — и до 70. Люди стояли буквально впритык друг к другу, как в переполненном транспорте. Присесть или лечь было невозможно. В туалет выводили по три человека.

«В прогулочных двориках нас раскидывали по 50–60 человек. Меня перевели во второй прогулочный „колодец“. Там я видел у человека такие ранения от пуль, как банки, которые в детстве ставили: точки здоровые, и они кровоточили, видно было, что они свежие, потому что водянистость такая была».

«Поверху там ходит дядька, говорит: „Я сейчас гранату вам сюда кину и вам все будет“. Я понимаю, что в этот момент, семьдесят человек, если сюда попадет граната, то это сразу все...»

Поступающие в свою сторону угрозы большинство пострадавших воспринимали как реальные. Ситуация была очень психологически напряженная и нервная, задержанные отмечали, что в тот момент силовики были готовы на любые экстремальные действия.

Камеры, коридоры ЦИП

Задержанные стояли в коридоре в ожидании досмотра: женщинам приказали стоять «ладошками к стенке», а мужчин ставили на растяжку — ноги по максимуму шире плеч. Потом по несколько человек отводили на досмотр. Во время этой процедуры нужно было раздеться догола и несколько раз присесть. Несмотря на то, что это была отдельная комната, никакой приватности обеспечено не было.

Несколько пострадавших рассказывают про эпизод возле кабинета досмотра. Как выяснилось во время досмотра, одна из девушек — трансгендер.

«Над ней/ним начали издеваться, говорить, что он пидор. Судя по действиям сотрудника, я думаю, что он встретился с таким впервые. Он не знал, что делать, как поступать с этим человеком: (ставить как мужчину на растяжку) или как женщину (ладошками в стенку). Он спросил у кого-то, и тот человек сказал, что „это же пидор, ставь его как мужика“. Его в жесткой форме поставили на растяжку и дали дубинкой».

После досмотра людей распределяли по камерам. Но, прежде чем дойти до камеры, нужно было быстро пробежать через коридор, по периметру которого стояли силовики и избивали бегущих.

Первых задержанных стали размещать в камерах на первом, втором, третьем и четвертом этажах примерно в 22:00–23:00.

В камерах постепенно прибавлялись все новые и новые люди. Потерпевшие рассказывают о жуткой переполненности: 22 человека в четырехместной камере; 30 человек в шестиместной; 42 человека в камере, предназначенной для восьми человек; 24 человека в двухместной.

«Я был в четырехместной камере, там стояли две двухъярусные кровати. Сначала нас там было 12 человек, но все время транспорт с задержанными прибывал... И каждые минут 20 добавлялись новые люди».

«Туалеты часто были забиты или вообще не работали. Вода была только холодная, но и она была очень плохого качества — мы ее отстаивали, потому что внизу собирался хороший слой ржавчины или грязи».

Всю ночь продолжалось поступление новых людей, в камерах постоянно были слышны крики, звуки избиений, оскорблений и угроз. Спать задержанные не могли, в помещениях постоянно горел свет.

«Ты сидишь, и все, что ты слышишь, — это удары дубинкой, стоны, крики, пока человек просто не затыкается и не кричит». Некоторые камеры несколько раз за ночь выводили на досмотры: «Когда нас выводили на допрос, вот мы стояли лицом к стене. Они орал: „Лицом к стене! Глаза в пол! Если кто-то повернется — получит!“ Постоянно вот на этом негативе, с диким криком. То есть обращение с нами было, как с собаками».

10 августа 2020 года

По рассказам пострадавших, 10 и 11 августа 2020 года были самыми жестокими в ЦИП. Туда привозили значительно больше людей, чем накануне. Сидящим в камерах было слышно, как зверски избивают вновь доставленных задержанных. Силовики бесчинствовали на протяжении всего дня.

«Каждую ночь я слышал издевательства, которые происходили во дворе ЦИП. Люди стонали и кричали. Их заставляли кричать: „Мы любим ОМОН“. Их заставляли петь гимн Беларуси. Было очень страшно слушать это».

«Одна сотрудница попросила: „Наденьте этих пацанов на ваши дубинки“. Это была целенаправленная атака на людей. Все были максимально агрессивно настроены: „Сколько вам платят?“, „Животное!“, „Мы вас тут всех сейчас поубиваем!“ Было ощущение, что сами сотрудники находятся в наркотическом опьянении».

00:00 — 07:00

Двор ЦИП

Задержанных, выгрузив из автозаков, прогоняли через «коридоры» из ОМОНа во внутреннем дворе ЦИП. Стояло по восемь-десять силовиков по каждой стороне — в шахматном порядке. Люди бежали между ними, а они их избивали дубинками. Затем всех ставили лицом к стене, приказывали опустить голову, положить руки на стену и стать на колени.

Если не нравилось, как стоит человек, его без предупреждений избивали дубинкой. Далее людей заводили внутрь здания, там нужно было снять ремни, шнурки, сдать личные вещи.

Среди задержанных было много окровавленных парней, раненых гранатами и резиновыми пулями, некоторые были избиты до синевы. Многие люди стояли полуголые, в одних трусах. Так они провели по два-три часа.

Много задержанных привезли в ЦИП около 03:30. Их также поставили в длинную шеренгу вдоль забора во дворе. Потерпевшие стояли на коленях на земле до самого рассвета, колени их были разбиты в кровь в дополнение к полученным при задержании травмам. Пить им не давали, в туалет не водили. С первых минут задержания людям дали понять, что никаких прав у них нет. У одного задержанного на руке была белая лента и, обратив на нее внимание, силовик сказал занести его в отдельный список, так как эту ленту ему должны «срезать с кожей».

«Сотрудники кричали, обзывали, унижали: „Мрази!“, „Нужно было дома сидеть!“, „Перемен захотелось?“, „Животные!“. Сначала стояли руки вверх на коленях, потом сказали руки за спину на коленях и голову как можно ниже к земле. В таком положении стоять тяжело».

Тех, кто шевелился, избивали дубинками. К утру у стены стояло уже около 100 человек. Стоять на коленях на тротуарной плитке и земле 30-40 минут травмированным людям было тяжело и больно. Опрошенные рассказывают о большом количестве окровавленных людей вокруг себя. Мужчина пожилого возраста трясся из-за высокого давления, возможно, от стресса. Один силовик разрешил ему встать на ноги, однако другой подошел и ударил ему по ногам дубинкой. Мужчина упал.

Психологическая атмосфера в эту ночь была крайне накалена. Силовики во дворе ЦИП с каждым часом буквально зверели. Любые их действия, даже формальные — перепись персональных данных, опись вещей — сопровождалась невероятной грубостью и жестокостью по от-

ношению к задержанным.

«Люди очень сильно кричали... Я понимал, что нельзя кричать — потому что для них сигнал, что живой, и можно бить. Люди, которых привозили и настолько сильно избивали, что молчать они уже просто не могли.»

Действия силовиков поддерживались и осуществлялись, по всей вероятности, по приказу высшего руководства. Пострадавшие рассказали, что в эту ночь во двор ЦИП приехало какое-то начальство, которое наблюдало за происходящим.

«Это было где-то 4–5 человек лет 50-ти. ...и один из них сказал: „Мне бы сейчас автомат, я бы вас, суки, всех расстрелял“. Вот это было уже страшно. Там еще ходил человек в цифровой форме военной, у него была маска и винтовка. Было понятно, что достаточно серьезное оружие и что любое неповиновение может расцениваться как нападение...»

Задержанных гнали по двору учреждения, как скот, все нужно было делать быстро, потому что на въезде стояла очередь из автозак.

«Люди приезжали избитые, без штанов, без обуви, с рассеченными лицами и головами, с выбитыми зубами, отеками лица. Спины и ноги у всех были синие. Силовики не реагировали на просьбы людей о помощи. Там просто стоял ор с матом: „Суки, закройте пасть!“ Никакого уважения, никакой человечности там не было.»

Потерпевшие рассказывают о человеке, у которого не сгибалась спина и его постоянно избивали за это.

Такая процедура «приемки» задержанных продолжалась на Окрестина всю ночь.

Прогулочные дворики ЦИП

«Дворик — это четыре бетонные стены, дверь стальная с глазком, „кормушка“ для выдачи еды, потолок — это небо в клеточку, решётка.»

Потерпевших ставили на колени на бетонный пол, руки за спину, давали им полиэтиленовые пакеты и приказывали раздеваться. Тех, кто делал это недостаточно быстро или не так, как этого требовали силовики, нещадно избивали дубинками.

«Один из задержанных попытался встать, чтобы снять штаны, но его ударили дубинкой и заставили раздеваться на коленях.»

Как описывают потерпевшие, в прогулочных двориках скапливалось много людей. По их оценкам, на двадцати квадратных метрах могло быть от семидесяти пяти до ста человек.

«У одного парня не было обуви, он стоял долго, а потом попросил других ребят ему помочь. Кто-то дал ему носки, кто-то — стельки, чтобы он под носки их одел.»

Многие опрошенные отмечают, что в прогулочных двориках они очень нуждались в воде. Однако в первые часы пребывания воды не давали вообще, позже давали очень мало, буквально одну пластиковую бутылку полтора-два литра на всех, то есть на 75 — 100 человек.

Потерпевшие нуждались в срочной медицинской помощи из-за ранений разной степени тяжести. Однако медицинская помощь не оказывалась.

Задержанные рассказывали, что силовики во двориках постоянно нагнетали психологическую

обстановку. Любые свои действия они сопровождали не только избиениями, но и грубыми криками, оскорблениями и унижениями.

«И час политинформации проходил — „Твари, никакой больше площади, вы все на карандаше! Если вы еще раз сюда попадете, мы вас будем убивать, забудьте про эту площадь!“ При этом проходились дубинками. У меня гематомы в основном на ягодицах».

Камеры, коридоры ЦИП

«Спать было невозможно, потому что всю ночь были адские крики людей, звуки ударов дубинками, мольбы о пощаде. Слышали, как приезжали МАЗы. С громкими криками: „Давай, блядь, выходи быстрее, блядь, побежал, побежал, давай“. Камера была на втором этаже и окна ее выходили во внутренний дворик, все было слышно».

После досмотра и оформления задержанных размещали по камерам. Из-за большого количества людей все камеры были переполнены. Жестокие условия содержания в них добавляли страданий избитым и травмированным людям.

Люди приезжали с множественными ранениями различного происхождения, травмированные резиновыми пулями, с переломами рук и ног. Задержанные поступали всю ночь.

Среди задержанных было много девушек. Их уводили на третий этаж.

«Мы слышали, что заводили девушек, их силовики не избивали. Но иногда появлялась сотрудница (Кристина к ней обращались), и вот девушек била она, кричала „что там жопы выставили“ (говорила тем, кто не так согнулся). Тоже проходила по ним дубинками».

Иностранцев заводили на четвертый этаж. Как рассказывали опрошенные, если силовики узнавали, что задержанные из России или Украины, их сильно избивали.

«Слышал, что некоторые ребята говорили, что они из Украины. Как только это услышат, фразы были одни и те же: „Что вы сюда приехали?! Свою страну развалили, сюда приехали развалить! Майдан захотели? Целуй, тварь, белорусскую землю!“»

Один из опрошенных находился в четырехместной камере, где было 28–30 человек. Ночью в камере было прохладно, а днем жарко и душно. Не хватало кислорода, и от этого у многих кружилась голова. Единственным источником воздуха было чуть приоткрытое окно. Люди стояли в очереди и менялись местами, чтобы хоть немного подышать.

«Когда мужчине, который находился в моей камере, стало плохо, мы нажали кнопку вызова сотрудника. Сотрудник спросил: „Что у вас?“. Мы сказали, что у нас мужчина теряет сознание и ему плохо. Нашу камеру открыли и вывели этого мужчину. Женщина-врач, которая его осматривала, сказала, что если он теряет сознание, то пусть падает. Он чуть стоял на ногах и его держал сотрудник, чтобы он не упал на пол. Под оскорбления врача и смех в нашу сторону к нам вернули мужчину, не оказав ему помощь. У него был слабый пульс».

В камерах постоянно горел свет. Спать было невозможно из-за постоянных криков и стонов людей. Вдобавок к этому силовики стучали дубинкой по двери и кричали, чтобы люди не ложились спать. Их постоянно запугивали, что «выведут во двор», если они нарушат их требования.

Практически все опрошенные отмечают, что камеры в эти дни были переполнены в 5–7 раз (в

трехместной камере было 13 человек, в пятиместной — 20–25). Один из задержанных рассказал о своем пребывании в шестиместной камере, в которой было 50 человек.

Из-за переполненности камер условия там были невыносимыми. Из мебели — пара тумбочек, металлические кровати без матрасов, подушек и постельного белья. Из стены торчал кран, из которого люди могли попить.

Лежать одновременно могли, даже с учетом места на полу, человек 20–25. Остальные могли только сидеть. Люди пытались следить за состоянием окружающих — если кому-то плохо, то делали ротации, укладывали этого человека полежать. При полном отсутствии матрасов все лежали либо на полу на своей одежде, либо на металлических кроватях.

«Кто-то стоял, кто-то лежал под кроватью, кто-то по три человека на одной кровати, спали кто как мог. Таким составом провели двое суток».

Так как воздуха в камерах не хватало, там была очень высокая влажность. Задержанные много раз просили открыть «кормушку», но силовики на просьбы не реагировали. Ослабленные люди падали в обморок.

«Одному человеку стало плохо. На вторые сутки его забрали. У него что-то с сердцем было, сознание терял, потому что душно было. Но его не завезли в больницу, а приковали наручниками в коридоре».

«Дышать можно, но, в какой-то момент ты уже в таком состоянии, почти теряешь сознание, потому что кислорода мало, окна не открывались из-за этой решетки. Щель — 5 см примерно, через нее воздух поступал, но как бы, реально его достаточно мало, поэтому задыхались».

Многие задержанные рассказывают о бесчеловечном отношении силовиков в ЦИП к раненым и больным людям. Медицинская помощь не оказывалась. Лишь в исключительных случаях, после настойчивых просьб, при угрозе явной смерти людей забирали из камер.

«У одного в ноге торчал осколок от гранаты, но никакой помощи ему не оказывали, на просьбу о помощи отвечали: „Засунь себе этот осколок в жопу“».

«Один человек просил врача постоянно, потому что он был жестоко избит, у него спина была синяя, он говорил: „Нужен врач, потому что я не могу ходить“. Он не мог ходить, потому что у него были сломаны рёбра. Врача так и не предоставили».

«У всех были синяки, ушибы, но никто не просил помощи, потому что никто не хотел получить лишний удар дубинкой. У одного из людей была рвота, он просил врача, но к нему он так и не пришел».

«После досмотра у меня очень сильно разболелась голова, с правой стороны болели ребра. Я попросил показать меня врачу. Спросили, что у меня, и ответили, что надо везти на рентген, этого никто делать не будет, ты большой и потерпишь. ...у меня были галлюцинации, перед глазами все плавало».

В одной из четырехместных камер находилось 19 женщин. Одну из них за «лишние» вопросы силовикам серьезно избили и пригрозили, что она «сгниет в камере». Женщины и девушки в камере были сильно напуганы происходящим.

«ОМОНовец ударил женщину головой о стену, а женщина-блондинка приказала сложить пальцы в замок, завести их за голову. В это время ударами своих берцов продолжала рвать ей паховые связки, начала выкручивать ей правую руку, усадила на колени, прижала своей ногой голову женщины к полу и начала кричать: „Говори, сука, свои данные!“»

Все это время женщин не кормили, воду они пили из-под крана, из «туалета» ужасно воняло.

Женщины просили открыть «кормушку», потому что воздуха в камере не хватало, но в ответ слышали только отказы. Девушки описывают, что они пребывали в полуобморочном состоянии, мысли путались, все время хотелось спать. Они засыпали, дремали 15–20 минут и резко просыпались¹⁰.

У одной девушки началась паническая атака, её непрерывно рвало, она теряла сознание. Другая девушка — инвалид-эпилептик. Еще одна женщина была больна диабетом второго типа, трое суток она просила принести ей таблетки из сумки, но безрезультатно. У многих девушек начался сильный кашель от переохлаждения в результате стояния и сна на бетонном полу. Женщины многократно просили оказать медицинскую помощь нуждающимся, но в ответ слышали только отказы.

«В то же время за стенкой мы слышали, как продолжают избивать мужчин — они хрипели, кричали, плакали. Одного из мужчин избили до такого состояния, что он обмочился с кровью. Сотрудники орала на него, чтобы он собой же вытер мочу с кровью с пола и убрал за собой. Мужчина плакал и говорил, что ему нечем вытереть, так как он голый... Силовики, не останавливаясь, продолжали его бить и кричать, чтобы он все вытер своим телом».

Ближе к утру крики и звуки избиений начали утихать. Те из задержанных, кто находился в камерах, даже смогли уснуть.

Около 06:00 содержащихся в камерах на втором этаже начали будить — сотрудники ЦИП в коридоре кричали: «Встать, животные!».

Ранним утром на втором этаже началась процедура оформления протоколов. Каждую камеру по очереди выводили в коридор и ставили вдоль стенки. Одновременно в узком коридоре стояло более тридцати человек. Стоять нужно было с широко расставленными ногами и низко опустив голову, держа руки за спиной.

«Ты выходишь — ноги на ширине, руки на стену, голову в пол, если кому-то из тех, кто тебя выводил, это не нравится, они могут подойти дубинкой дать, сказав „ноги шире, мразь!“. У одного из задержанных были мелированные волосы, из-за этого один из сотрудников ударил его головой об стену со словами „Ты что, баба?“».

Задержанных по очереди вызывали подписывать протоколы. Если кто-то пытался изучить документ или указать на ошибки в нем, его начинали оскорблять, угрожать, а также могли избить.

«На это [ошибки в протоколе] он мне ответил криком „подписывай“, на что я ответил, что мне нужно почитать. Мне ответили: „Пошел на хуй, лицом к стене и стой“. Я, ничего не подписывая, направился на свое место к стене. После того, как последний человек подписал с надеждой, что его отпустят домой, началась жесть».

После подписания протоколов всех задержанных отправляли обратно в камеры, сопровождая ударами дубинок.

10. Реакция организма на недостаток кислорода, активный вдох и пробуждение, когда человек находится на грани потери сознания из-за нехватки в клетках кислорода.

07:00 — 24:00

Двор ЦИП

«Ближе часам к 8 утра было слышно, что люди бегут, начинаются крики, звуки того, как бьют дубинкой, обзывают. Забегают люди и им кричат: „На колени, прислониться головой к стене!“ Заламывают... Их избивали значительно сильнее, чем нас, очень сильная была агрессия».

Доставленных в ЦИП выгружали из автозаков и прогоняли через «коридор». Их избивали дубинками около 20 силовиков. Задержанные отмечают, что видели синюю форму ДПСников, омоновцев в черной форме. Рассмотреть что-либо было сложно, им кричали «Головой в пол!» и наносили удары по спине, по задней части ног, подняться было невозможно. Тех, кто чуть выше поднимал голову, били больше. Во дворе стояла толпа сотрудников изолятора, они были в обычных синих или серых майках и черных брюках, в масках.

«Мы просто друг за другом бежали. С двух сторон стояли люди с дубинками, которые нас били этими дубинками. Кого-то больше, кого-то меньше. Кто-то успевал пробежать, кому-то больше доставалось».

Сотрудники постоянно кричали: „Ебало в пол!“, „Бежать, блядь!“. Каждый приказ „Быстрее!“ сопровождался ударом по ногам».

Задержанным заламывали руки, постоянно слышались крики и оскорбления в их сторону. Выходящим из автозака мужчинам мгновенно наносили удары с ноги в живот, после чего человек уже не разгибался и в таком состоянии бежал дальше.

Один из задержанных рассказывает, что силовики целенаправленно били мужчин в пах, по почкам.

«Мне разбили ноги в разные стороны почти до шпегата, и два раза он мне ударил дубиной между ног. Когда я спросил, за что, он сказал, чтобы я больше таких не рожал...».

В конце «коридора» людей сбивали с ног и ставили на колени у забора.

«Под крики „считайте муравьёв, лицо в землю, руки за спину, на коленях стойте“ начинают проверять телефоны. По итогу начинают проверять личные вещи, начиная с портфелей, сумок и так далее. У парня был бинт и перекись водорода. За это ему пару раз прилетело, ну потому что „А зачем тебе такое с собой в мирное время?“».

Во время досмотра личных вещей силовики придирались к любой мелочи: майка с необычным рисунком, руки не так держит, улыбнулся не вовремя. Ответом были удары в голову, по ногам и рукам, оскорбления, угрозы.

«По итогу мы так простояли еще, наверное, минут 40. Мы пробегаем немного дальше, подрываемся и понимаем, что ноги не работают, не слушаются. Парень один подвернул ногу, пытался как-то доскакать, не особо получалось. И там было что-то типа „коридора“ [избивающие силовики], но гораздо реже, там уже где-то на каждые два метра стояло по человеку и то ли пенделя давали, то ли подзатыльника, еще что-нибудь, снова пробежали немного дальше. Угроза от силовиков: „А, может, мы кого-нибудь показательно дубиночкой изнасилуем?“, но, к счастью, это всё осталось на уровне угрозы, ничего дальше не последовало».

Прогулочные дворики ЦИП

«... нас проводили в прогулочный дворик размером где-то четыре на четыре с половиной метра. И он быстро заполнялся людьми. В этом дворике нас оказалось шестьдесят семь человек. В какой-то момент наиболее избитых, мы просили, чтобы их вывели и передали медикам. Всех остальных оставили в этом прогулочном дворике. Я знаю, что были ребята с астмой в соседнем дворике, было слышно, что у людей приступ астмы».

Анализируя рассказы потерпевших, можно сделать вывод, что в каждом из прогулочных дворики в этот период скапливалось от 73 до 84 человек. Люди провели там около суток (некоторые от 26 до 33 часов).

Задержанные пытались поспать каким-то образом. Они садились к стене или упирались спинами друг к другу. Места было мало, если 10 человек садились, то остальные люди могли только стоять, возможности подвигаться не было, ноги у людей затекали. Приходилось постоянно меняться местами — кто-то стоит, кто-то сидит.

По описаниям задержанных, во дворике было много избитых людей, у нескольких парней была частично «скальпирована» кожа на голове, человек десять были с ссадинами, был парень с огромной гематомой на щеке. Еще у одного мужчины изо рта шла кровь. Задержанные попросили медпомощь для него и по прошествии часа его забрали к медикам.

Впервые воду задержанным дали (2–3 литра на всех) через 19 часов после задержания, впервые покормили (1 булка хлеба на всех) спустя сутки. В туалет стали водить спустя 17 часов после задержания.

«Опять же, это было утро, уже светло, когда нам принесли воду, это было, наверное, литра три с половиной. И нам на шестьдесят семь человек принесли вот эти три с половиной литра воды. Представляете, что это только можно было чуть смочить губы».

«... „Я сейчас обоссусь“. Ему говорят: „Вот сейчас ты выйдешь отсюда, мы сделаем так, что ты еще и обоссешься“. Зашел какой-то начальник, человека вывели, мы услышали удары дубинок, его обратно запихнули».

После этого какие-то требования и обращения к силовикам прекратились. Если кто-то сильно хотел в туалет, задержанные давали те бутылки, из которых они пили, чтобы человек мог справиться нужду именно туда. Потом эти бутылки ополаскивали, и когда кому-то разрешали выходить, в них опять же набирали воду для питья.

Люди в этой бетонной камере находились в психологическом шоке, их успокаивало лишь то, что там их не будут бить.

Камеры, коридоры ЦИП

Некоторых задержанных из камер на втором этаже начали переводить на третий этаж. К вечеру этого дня большинство из задержанных уже сутки находятся без еды и нормальной питьевой воды. Также возобновляются избиения людей как оминовцами в черном и в балаклавах, так и сотрудниками ЦИП в милицейской форме. Один за другим начинают приезжать автозаки с новыми задержанными, камеры заполняются еще больше.

«... было слышно, что из других камер людей выводили. Они стучали — их выводили и вели на второй этаж. Там, на втором этаже, их избивали, и поэтому это уже стало поговоркой: „Если будешь себя плохо вести — пойдешь».

на второй этаж».

С утра начался процесс подписания протоколов. Он состоял в том, что задержанных выводили, выстраивали возле стенки и говорили: «Либо вы подписываете протокол, вам дают три базовые и вы идёте домой, либо вы не подписываете протокол и остаетесь здесь на непонятный срок и будете нести наказание». Впоследствии выяснилось, что это обман, никого по описанной схеме не отпускали.

Некоторые задержанные подписывали протоколы не глядя. Кто-то пытался изучить свой протокол. Они подходили к столу по двое, сотрудник закрывал содержание протокола и говорил: «Здесь подписывай».

Днем, с 10 до 17 часов, по словам большинства опрашиваемых, было тихо и избиений почти не было.

Весь день 10 августа прошел в бесконечных уточнениях данных, люди в форме или без формы ходили и уточняли, кто находится в камерах.

Некоторые досмотры задержанных проходили на втором этаже. По словам одной из опрошенных, туда задержанных вели в очень неудобной позе — руки должны были быть за спиной, голова опущена очень низко. Во время досмотра нужно было полностью раздеться, присесть несколько раз. После досмотра задержанные некоторое время стояли на коленях в коридоре.

«И потом мы выходим в коридор и у меня шок был, что в шеренге голые мужики, голова между колен, попой кверху, на коленях. И нас тоже на колени поставили. На колени, да еще в спину тыкнули этой дубинкой. Такое ощущение, что расстреляют сейчас в затылок».

После досмотров людей отводили в переполненные камеры. По словам мужчин, приходилось до 5–8 человек на место. Женские камеры также были переполнены в 4–6 раз; например, в шестиместной камере было 35 человек, в трехместной — 13. Одна из задержанных рассказала, что находилась в четырехместной камере, в которой было 40–50 человек.

В камерах не было матрасов, постельного белья. Люди спали на полу, около туалета, потому что в другом месте лечь было негде. Круглосуточно горел яркий свет.

«Первую ночь я заснула на полу возле двери головой в тумбочке, потому что мне как-то надо было сделать тенок себе. И, что самое интересное, на тумбочке какая-то девушка умудрилась тоже спать».

В некоторых камерах женщины не могли ходить в туалет, так как грязная вода из него вытекала прямо на пол, они были вынуждены собирать ее полотенцами. От этого стоял страшный смрад, вентиляции не было.

Задержанные отмечают, что в камерах на втором этаже было очень грязно и не было элементарных средств гигиены — туалетной бумаги, мыла. Женщины просили туалетную бумагу, прокладки, на что силовики предлагали им воспользоваться майкой. Лишь однажды сотрудница ЦИП принесла на всю камеру клочок ваты и рулон бинта. Девушкам приходилось использовать для гигиенических целей санитарные маски.

В камерах было очень жарко, по стенам стекал конденсат. На вторые сутки охранники уже открывали кормушку для того, чтобы люди не задохнулись. Окна были закрыты. Люди раздевались, многие сидели в одних трусах.

«Мы просили открыть „кормушку“, чтобы был хоть какой-то доступ воздуха в камеру. Однако кормушка периодически закрывалась. В наказание за любые требования сотрудники выливали ведро воды в камеру. Причем, это повторялось неоднократно».

«Эта камера была еще меньше нашей, а в ней уже находилось людей в два раза больше, чем в нашей. И температура воздуха была... Ну у нас было жарко. В этой, во второй камере, температура воздуха была еще больше. Воздуха не было, дышать вообще невозможно было. Влажность была такая, что с потолка капало. На стенах был конденсат. Пол скользкий от влаги. При мне в обморок упали два человека. Когда все-таки открыли дверь, один из них просто вывалился из камеры на пол коридора. Его тошнило, но на это никто не обращал внимания».

Силовики вели себя грубо, общались преимущественно матом. Если им что-то не нравилось, в порядке наказания окошко для подачи пищи (кормушка) закрывалось и люди снова задыхались без доступа кислорода.

Задержанных все это время не кормили. Лишь поздно вечером им начали выдавать по одной буханке хлеба на 21–38 человек, то есть по 50 грамм на каждого. Этот хлеб стал первым ужином за сутки пребывания в ЦИП.

По рассказам одного из потерпевших, его в этот день пытали, требуя сообщить код доступа к телефону. Он отказывался.

«Из меня сделали колесо — закинули из-за спины, как колесо, ноги, руки и надели наручники. 30–40 минут я держался. Потерял сознание. Ну, пришлось потом сказать код от телефона. Самое страшное — то, что там были личные данные близких».

«...был парень, метра два ростом, видно было, что он фанат или спортсмен. У него все ноги были отбиты сзади, в гематомах. Он рассказывал, что его долго избивали».

В камерах были люди, нуждающиеся в медицинской помощи, многим необходимы были регулярные приемы медпрепаратов (сердечные, гормональные, антидиабетические). На их просьбы о предоставлении медпрепаратов силовики не обращали внимания. Только после долгих угроз медики ЦИП осматривали пострадавших, но помощь была неполной. В одной из камер находилась женщина с диабетом — в итоге разрешили передать ей инсулин из ее сумки.

«Они снизили дать ей инсулин ее же. И что меня поразило, даже ватку пожалели ей дать. Она же колет, там кровь, а там такая антисанитария. Она говорит: „Так дайте что-нибудь“. И ей дали кусок бумаги какой-то».

«Одной женщине при задержании поранили ногу, из нее кровь сочилась, и мы просили хотя бы минимальную обработку. На это либо не реагировали, либо посылали, те же самые слова — „Нужно было дома сидеть, борщи варить“».

Некоторых девушек тошнило, у кого-то начались панические атаки.

Сотрудники угрожали избить до смерти, если задержанные нажимали на кнопку вызова в камере. Один человек попросил таблетку от давления.

«Сказали: „Какого хера ты без таблеток здесь находишься? В нашей ситуации, в нашей стране ты должен таблетки всегда носить с собой, потому что ты не должен знать, когда тебя заберут. Это может происходить всегда и везде“».

В камере одного из опрошенных, на втором этаже, был мужчина со сломанной ногой. Его сокамерники начали стучать в дверь с просьбой вызвать врача, но силовик им отказал в очень грубой форме — матом, приказывали молчать, «а то вы все сдохнете». В какой-то момент мужчины, теряя сознание, начали стучать в дверь — просить о помощи.

«Открылась дверь, где стояло 3 сотрудника ОМОНа, что было видно по их обмундированию, с балаклавой на голове, которые сказали, что пришел карательный отряд, что я должен выйти, и что мне „пиздец“. Я вышел и сначала стоял, пока меня избивали дубинками. Я не кричал, и они приказали мне сесть лицом в пол, руки за спину, после чего меня стали избивать дубинками по спине, я пытался прикрыть почки. После последнего удара по лицу, у меня пошла кровь из носа, они продолжили меня избивать дубинками».

Ближе к обеду задержанных стали выводить из камер для съемки на видеокамеру. Они должны были назвать свою фамилию и имя, адрес проживания.

С 19:00 до 20:00 избиения задержанных возобновились, они истошно кричали.

Всю ночь люди не могли спать, так как им не выключали свет. А также всю ночь они слышали звуки прибывающих машин, громкие крики, звуки избиений и ужасные стоны.

11 августа 2020 года

Задержанных в городе продолжали привозить на Окрестина.

В ночь с 10 на 11 августа во дворе ЦИП продолжались избиения задержанных. За вечер на территорию прибыло два-три десятка автозаков. Машины шли чередой, силовики во дворе ЦИП показательно зверствовали и буквально ревели от злости, избивая дубинками выходящих из автозаков людей.

Процедура «приема» поступающих выглядела следующим образом. Люди проходили «коридор» с избиениями, потом их ставили на колени лицом к забору, руки у них находились за спиной, а лоб упирался в землю. При этом не прекращались удары дубинками, крики, мат и оскорбления.

Задержанные ранее и уже находящиеся в камерах люди были совершенно дезориентированы во времени. Однако каждый день по вечерам, приблизительно с 22:00, они слышали одни и те же звуки, когда приезжали автозаки с новыми задержанными. Новоприбывших избивали, были слышны их крики и стоны, затем их загоняли в камеры в прогулочном дворике или в камеры в помещении ЦИП.

00:00 — 07:00

Двор ЦИП

11 августа избиения задержанных продолжались. Все проходило по той же схеме. Ночью, при выгрузке из автозака, потерпевших прогоняли через «коридор»: силовики выстраивались в две шеренги друг напротив друга и наносили удары пробегающим между ними задержанным. Потом людей помещали во внутренний двор - асфальтированную площадку на улице, где они находились по несколько часов, стоя на коленях с опущенной вниз головой. Ночью стало очень холодно и люди замерзали. У части из них была порвана одежда, а у некоторых даже не было обуви на ногах.

«Во внутреннем дворике нас поставили к стенке на колени, руки на стену и головой вниз. У кого затекали конечности, кто пытался как-то шевелиться либо задавать вопросы — жестко избивали».

К стоящим возле стены на коленях подходила сотрудница ЦИП в сопровождении силовиков и записывала на бумагу данные: фамилию, имя, отчество, год рождения и место работы. При этом поднимать голову и смотреть на них не разрешалось. Сотрудница унижала людей, если кто-то поворачивал голову — его били.

«Ходила женщина, кого за волосы, кого за майку поднимала, спрашивала фамилию, имя, дату рождения. С ней ходили два сотрудника милиции, омонотцев там не было. Они ходили без масок, без балаклав, но посмотреть [на них] особо нельзя было, потому что если поднимешь голову, то потом сильно накажут».

«Другая девушка подходила уже из состава Окрестина. Она подошла к очередному спрашивать ФИО и адрес, и человек ей начал отвечать. На что она ему в грубой форме: „Хуй со рта достань и скажи нормально“».

Несмотря на то, что рассматривать силовиков было крайне опасно, некоторые потерпевшие смогли запомнить и в дальнейшем опознать своих мучителей. Многим за особый садизм запомнился Женя¹¹, жестокость которого пугала даже его коллег-силовиков.

11. По показаниям задержанных, это сотрудник ЦИП Евгений Врублевский.

О противозаконных действиях Е.Врублевского свидетельствуют многие граждане, отбывавшие в разное время административный арест в ЦИП. <https://spring96.org/be/news/107040>

*«Во внутреннем дворе нас лично бил такой ***, который зовётся Женя. Он бил меня и говорил: „Что, вам нравится, блядь, кидать коктейли Молотова?“ Я ничего не бросал, я улыбнулся. Он избивал всех, кто был там, бил людей, которые были с очками: „Ну что, четырехглазый, блядь, я тебя сейчас отпизжу!“ Мы стояли на коленях, руки за голову, а этот Женя постоянно нас бил. А остальные два человека, которые там были, говорили: „Женя, успокойся, перестань делать это“. А он продолжал».*

Прогулочные дворики ЦИП

После нахождения во внутреннем дворе ЦИП задержанных загоняли в переполненные прогулочные дворики либо разводили по камерам. Перед этим их раздевали и обыскивали. Некоторым пришлось находиться в прогулочных двориках до утра. Ночью было очень холодно, через решетку задувал холодный ветер. Все задержанные были в легкой одежде и им приходилось прижиматься друг к другу, чтобы хоть немного согреться. В такой позе они стояли 5-6 часов, при этом за каждое движение их поливали холодной водой. Охранники постоянно угрожали, смеялись над задержанными. Одному, сильно окровавленному, они говорили: «Из таких, как ты, во время Второй Мировой войны мыло делали».

«Все находились в состоянии ужаса, все воспринималось как некий концлагерь. Мы отчетливо слышали, как в соседнем дворике избивали людей, особенно усердствовала некая женщина».

«Спали в кучах, потому что было очень холодно, по ночам обливали холодной водой надзиратели. Постоянные крики, стоны из соседних клеток. Некоторым грозили засунуть дубинку в задницу».

В итоге некоторые задержанные провели в прогулочном дворике четверо суток. Отсутствовали какие-либо минимальные условия для личной гигиены. Потерпевшие рассказывают, что за это время их всего дважды выводили в туалет. В других двориках вообще не выводили, люди были вынуждены справлять нужду прямо там.

«Ночью в дворике было очень холодно. Туалета в нем не было и задержанные девушки вынуждены были пользоваться неким люком в полу, при этом сверху за этим наблюдали охранники-мужчины».

«Это было прямо дико, очень дико. Закидывают туда парня. Он простоял минут пятнадцать, наверное, по ощущениям, и говорит: я извиняюсь, но я больше не могу. Снимает штаны, снимает трусы, начинает трусами вытирать фекалии».

Задержанным не давали ни воды, ни еды. Когда они попросили хлеба, вбросили одну буханку. За 26 часов выдали максимум пять двухлитровых бутылок воды из-под крана.

«Стояли, мерзли, кто-то спал, кто-то не спал. Когда просили еды, как скоту бросили в камеру одну буханку хлеба — это было ночью 11 августа в 3–4 часа».

Камеры, коридоры ЦИП

Избиения продолжались и по пути в камеры: потерпевшие бежали по лестницам в нижнем белье и получали удары дубинками от силовиков, стоявших по обе стороны от них. Раздетые задержанные с пакетами в руках оказались в камерах.

В небольших помещениях, рассчитанных на пять — шесть человек, содержалось по несколько

десятков. Кто-то мог сидеть, кто-то стоял, но все одновременно сесть или лечь они не могли. В камерах был холодный бетонный пол. Люди приспособивались к условиям, как могли: снимали кроссовки и садились на них, а на вынутые стельки ставили ноги. Некоторое время так можно было посидеть. Спать приходилось на полу, и под кроватями, на кроватях спали по очереди.

В переполненных камерах не хватало воздуха, люди просили открыть хотя бы отверстие-«кормушку», но силовики не реагировали на их просьбы. Вместо этого они выливали в камеру ведро воды и избивали обратившихся. Многие из опрошенных говорят о том, что старались не нажимать на кнопку вызова персонала, потому что за это могли избить всю камеру. К тому же людей и безо всякой причины выводили по одному и избивали.

«Один раз я слышал, как женщину какую-то выводят из камеры, по голосу уже в возрасте такую. Не знаю почему, но тогда я был уверен, что её снимают на камеру, и ей говорят: „Вот ты была с плакатом «Нет фашизму». Что такое фашизм?“. Она говорит: „Ну вот то, что вы делаете“. А они ей: „Нет! То, что мы делаем, называется садизм“. Ну и прилетает дубинкой ей».

«Часто кого-то ночью одного из камеры выводили, из соседних камер на коридор. Избивали и возвращали. И если остаются следы крови на полу, ты своей майкой должен это вытереть, а майку потом застирать так, чтобы они не смогли придраться».

В камерах находились люди с различными хроническими заболеваниями: сахарным диабетом, эпилепсией, болезнями сердца. Даже во время острых приступов болезни медицинская помощь задержанным в большинстве случаев не оказывалась, просьбы о медицинской помощи силовики игнорировали.

«В камере был человек с эпилепсией, у него случился припадок — он упал на пол, начал дёргаться, потекла пена изо рта. Кто-то крикнул, чтобы держали ему голову, стали бить в дверь, звать врача. Пришёл сотрудник „Скорой помощи“ и сказал, что это пройдёт. Через час у мужчины снова случился припадок, пришёл тот же „врач“, посмотрел на него: „Не проходит? Ладно, несите!“ И четверо задержанных ребят вынесли его и положили в коридор. Что с ним было дальше, неизвестно».

«Задержанные начали стучать в двери, орать, кричать: „Врача позовите!“ Пришла медсестра, которая избивала, когда к ней обращались за помощью (блондинка с каре). Она его увела на коридор, дала нашатырь понюхать, ударила его по лицу со словами: „На митинг смог ходить, вот и сейчас смогли постоять“. Она поменяла ему повязку и отправила обратно...».

«Он просил фельдшера вызвать скорую помощь. На что она ему ответила: „Я могу тебе только катафалк вызвать в морг“».

Ночью задержанные слышали удары дубинок, нечеловеческие крики и стоны, которые продолжались примерно до рассвета. Только после 03:00–04:00 избиения и крики начинали постепенно утихать.

«Самое жесткое — это когда я проснулся в час ночи от криков людей. Мужчин били так сильно дубинками, что было слышно хруст костей, крики были такие сильные, что людей как будто бы жгли. Взрослые мужики кричали: „Мама! Помогите! Спасите!“».

Одна из задержанных рассказала, что содержалась в камере с окном, выходящим на ворота, куда въезжают автозаки. Потерпевшая подсчитала, что каждую ночь приезжало по 7–8 автозаков. Она и сокамерницы видели, как поступали все новые и новые задержанные. Женщины слышали, как их избивали, как они кричали, как босых мужчин гоняли по коридору. Потерпев-

шая рассказала, что у некоторых женщин, особенно у которых задержали сына, мужа или брата, случались приступы истерики. Из воспоминаний женщины:

«И я помню, что у многих в камере психика сдавала в эти моменты. Я помню, там была женщина с двумя дочками и она просто начала кричать в какой-то момент. Заткнула уши и начала кричать, подвывает от ужаса, что происходит. Кто-то просто плакал».

07:00 — 24:00

Под утро массовые избиения в камерах прекратились. Задержанных продолжали выводить целыми камерами на коридоры, где под давлением силовиков, не читая, они подписывали необходимые документы. Утром начались суды, которые проходили прямо в здании ЦИП, на четвертом этаже. Многие задержанные, которые оставались после ночи во дворе, лежали или стояли в неудобной позе весь день в ожидании суда или перевода в камеры.

Днем людей уже не били целенаправленно, однако периодически можно было получить удар от силовика. Чаще всего это случалось, когда кто-то из задержанных обращался к ним с просьбами — принести воды, сводить в туалет, оказать медицинскую помощь или просто о возможности размяться, так как у многих от длительного нахождения в неудобной статичной позе затекало тело.

Двор ЦИП

Людей продолжали привозить в ЦИП. Коридора из силовиков днем не было. Во дворе горел яркий свет. Стояли двое силовиков в черной экипировке: один возле автозака, второй у стены. Задержанным нужно было очень быстро пробежаться от автозака к стене, и первый избивал выходящих из машины людей дубинкой.

«Мы лежали лицом, это было положение на коленях, лицом в землю, руки за спину и головой уткнувшись в землю, ноги под себя. Был грубый голос одного командира, если честно, то я предполагаю, что это был Балаба, потому что он всем командовал».

Далее задержанных отводили в помещение, где регистрировали и описывали изъятые вещи. Там им велели построиться, снять кольца, достать шнурки и раздеться догола. Силовики обрезают завязки с баек задержанных и обыскивали карманы.

После осмотра под громкие крики и нецензурную брань людей снова избивали. Как рассказали потерпевшие, силовики были уверены, что люди пришли на митинги, потому что им за это хорошо заплатили. Безудержно избивая задержанных, они не переставая кричали об этом.

Прогулочные дворики ЦИП

В прогулочных двориках пытки задержанных продолжались. Силовики проводили «профилактику» — били их дубинками со словами: «Что? Будете продолжать?». Задержанные дружно отвечали: «Нет, конечно». Однако все равно получали удары дубинками.

Ночью сильно похолодало. Потерпевшие мерзли и поэтому плотно прижимались друг к другу. Все были избиты и с трудом держались на ногах. Еды не давали. Воду приносили из туалета в пластиковых бутылках в ограниченном количестве — примерно 2–3 бутылки на 50 человек в сутки. Эти бутылки использовали также для того, чтобы сходить по малой нужде, поскольку во двориках не были предусмотрены туалеты. Бутылок не хватало, и некоторым людям приходи-

лось справлять нужду прямо во дворике. Если кто-то просил еду, связаться с родственниками или с адвокатом — за это подвергался избиениям.

Примерно в шесть-семь часов утра 11 августа задержанные услышали, как на втором этаже люди из камер начали стучать в двери и кричать «*Выпускай!*». По словам опрошенных, уже через 15 минут этих людей вывели в коридор между двумя прогулочными двориками и жестоко избили:

«Вначале диалог был: „Кто выдвигает требования по поводу еды, звонка и адвоката?“. Под эти слова они просто начали их избивать, они очень долго их избивали, люди кричали, стонали. Это за стеной было буквально, мы это всё слышали».

Некоторые потерпевшие находились в стрессовом состоянии, от шока они не понимали, что с ними происходит. Пострадавшим не оказывалась медицинская помощь.

«Говоришь с человеком, а он такой: „Это вы меня так? За что, пацаны вы меня так избили? А где жена моя?“»

«У одного парня была скальпированная голова, один из омовцев срезал ему волосы вместе с кожей на темечке. Оттуда сочилась кровь, свежая рана была. Просили медпомощь, так как многим было плохо».

Камеры, коридоры ЦИП

Утром снова начали выводить на суды, которые проходили в здании ЦИП. Задержанным, как и ранее, обещали, что если они подпишут протоколы, то им дадут только штраф и они сразу же пойдут домой. Многие верили и соглашались на это. Однако практически все получали сутки административного ареста.

Суд выглядел следующим образом. Задержанных приводили в кабинет, где находились судья и секретарь. Судья зачитывала протокол и материалы дела, выясняла позицию задержанных. Отстоять свои права в суде было невозможно. Суды никак не реагировали на заявления о пытках, жестоком обращении, фактах психологического насилия, а также нарушениях процессуальных прав. В ходатайствах о предоставлении защитника отказывали, мотивируя это отсутствием у задержанного договора с адвокатом. Одна из потерпевших рассказала, что заявила ходатайство о прекращении пыток в отношении нее и других задержанных, на что **судья Мотыль** ответила: *«Я только судья. Это не моя компетенция. С жалобами на содержание обращайтесь к начальнику ЦИП».*

Потерпевшая подробно рассказала суду о том, кто и при каких обстоятельствах применял к ней пытки. Судья задала лишь несколько формальных вопросов и никак не отреагировала на это заявление.

Потерпевшая: *«Меня били головой о стену постоянно, пытались порвать паховые связки, выкручивали руки за отказ подписать протокол, с которым я даже не была ознакомлена».*

Судья Мотыль: *«Фамилии сотрудников, которые это делали?»*

Потерпевшая: *«Знаете, они когда били, отказались представляться».*

Судья Мотыль: *«А опознать сможете?»*

Потерпевшая: *«Конечно, смогу. Вот она, которая рядом стоит, и меня привела. Именно она и била, и еще один с широкими темными бровями».*

После суда людей возвращали в душные переполненные камеры. В камерах образовывались

очереди к окну, чтобы немного посидеть там подышать.

Из окон некоторых камер было видно происходящее во дворе — там жестоко избивали задержанных. Несколько опрошенных упоминают о случае, который видели из окон камер третьего этажа:

«Я помню такой момент: человека бьют прямо жестко, и он, как собака, закрытая где-то, скребётся и кричит: „Пожалуйста, не надо!“ Он там умолял.

*«Я помню, что в другом конце этого двора кто-то, понимая, что с ним будет, крикнул „**Жыве Беларусь!**“. И все это стадо побежало искать, кто кричал. Били там весь угол».*

Люди, сидящие ночью в камерах, не выдерживали и, глядя на эти жестокие избиения, кричали «Фашисты! Сволочи! Что вы делаете?». В камеры забежали силовики и сильно избивали их. В какие-то камеры выливали ведра воды с хлоркой.

В камерах находились задержанные с инвалидностью, с различными заболеваниями, в том числе, психического характера. В контексте происходящего эти люди особенно нуждались в медицинской помощи, но силовики не обращали на их состояние никакого внимания.

«У одной из женщин была очень сильная мигрень. Так как свет [в камере] никогда не выключали, ей приходилось сидеть головой в тумбочке».

12 августа 2020 года

00:00 — 07:00

Двор ЦИП

Ночью с интервалом в 30–40 минут в ЦИП привозили все новых людей. Кого-то расставляли у стены, кому-то приказывали опускаться на колени, чтобы ягодичы лежали на пятках, голова упиралась в землю, руки были за спиной либо за головой. Поза очень болезненная, так как немеют все части тела, а находиться в этой позе заставляли большое количество часов. Было очень холодно, но прижаться друг к другу не было возможности.

Сотрудники подходили и спрашивали у каждого задержанного личные данные, нужно было выкрикивать имя и фамилию, год рождения. Если кто-то кричал не достаточно громко, его избивали. При этом обыскивали, доставая все из карманов (впоследствии выяснилось, что у многих задержанных украли деньги). Медицинская помощь не оказывалась, в туалет не водили, воду не давали, оскорбляли, избивали. Некоторые были избиты так, что не могли ходить, они лежали на земле, их тела уже не реагировали на избиения. Над теми, кто не мог ходить, сотрудники смеялись и издевались. Постоянно спрашивали: «Кто заплатил? Где 50 евро?»

«При мне побили глухонемого, потому что он не мог отвечать на вопросы».

Непрерывно привозили новые партии задержанных. Их били в одном из дворики. В ту ночь особенно сильно избивали помеченных краской и байкеров. Внутри Окрестина некоторых задержанных также помечали маркером, в том числе и тех, кто говорил на белорусском языке.

«Это были жуткие крики, это было что-то невообразимое. Была какая-то жесть, как будто там кости у них трещали, крики как будто из преисподней. У кого были татуировки с бчб и Погоней, было указание их бить сильнее. Кто-то из потерпевших кричал: „Я люблю ОМОН“, их при этом били палками».

После всех заводили в здание ЦИП и заставляли раздеться полностью. Все процессы сопровождалось избиениями. Потерпевшие свидетельствуют о нескольких сильно избитых, которые отхаркивали кровью.

«Один парень, которого били, видимо, уже отчаялся сильно и стал кричать: „Позор! Позор! Ганьба!“. Он уже понял, что все равно его бьют, так пусть хоть лучше сохранить гордость, достоинство. Это априори значило, что его будут бить еще больше. И он сознательно шел на большие увечья. Такое делают либо от большой силы воли, либо от отчаяния».

В эту ночь некоторых девушек также избивали. Особенно жестоко били девушку, которая была байкершей.

Ближе к шести часам утра часть задержанных погнали в подвал ЦИП. Того, кто не мог бежать и падал, избивали дубинками. При этом других задержанных (около 15–20 человек), которые были доставлены в ЦИП ранее и содержались в камерах, вывели во двор, приказали лечь на землю и начали избивать дубинками по ногам, после чего у стены их же заставили присесть 50 раз. Тех, кто по мнению сотрудников плохо это делал, еще сильнее били по ногам.

«И такой звук удара, будто бьют по пластику, по машине. Слышишь, как этот омоновец прямо кряхтит, задыхается, физически уже устал от того, что он бьет. И он прямо кричит, будто готовится к этому удару, и всю свою силу, которую может вложить, вкладывает. И бьет он одного человека. И бьет

он не один. Это было просто страшно.

Когда силовики уставали, они менялись, и избиения начинались с новой силой. Все это продолжалось до утра.

Прогулочные дворики ЦИП

По свидетельствам задержанных, в одном из прогулочных двориков находилось 176 человек¹². Туалетов в них не было. Людей заводили туда и заставляли стать на колени, головой в пол и руки назад. Руки были перетянуты стяжками. Если кто-то из силовиков замечал, что у задержанного развязались стяжки, он начинал кричать и избивать этого человека. Стояли в несколько рядов, совершенно голые, головой упершись в пол вплотную «к чьим-то ягодицам». Это было невероятное унижение. Вот что об этом говорит одна из задержанных женщин:

«Когда [меня] вели, видела, как в соседней прогулочной камере полуобнаженных и голых мужчин, лежавших на полу, избивали дубинками. На стенах и полу была кровь».

Один из задержанных в пять часов утра попросил воды, охранники посмеялись, а через пару минут принесли два ведра холодной воды и вылили ее на мужчин. Ночь была холодная, люди стояли голые на бетонном полу под открытым небом, прижимаясь друг к другу, чтобы хоть как-то согреться. Воду давали редко и столько, что ее едва хватало по глотку на каждого. Находясь во дворике, задержанные хорошо слышали, как избивали других.

Коридор ЦИП, камеры

Коридор ЦИП силовики называли «коридором позора». Когда задержанные бежали по нему, они дубинкой показывали, куда бежать. Нужно было догадаться, куда бежать, по удару дубинки, при этом поднимать голову запрещалось. Некоторые избитые ковыляли на одной ноге, было темно и совсем непонятно, в какую сторону двигаться. На полу была плитка и по ней тянулся кровавый след, по нему можно было ориентироваться, куда бежать.

В коридоре задержанных в очередной раз заставляли стать на колени, головой в пол, руки зажимали жгутами за спиной так, что через пять минут они у всех становились фиолетовыми. Затем им развязывали жгуты и заставляли раздеваться догола в той же позе.

В этих действиях участвовала женщина-сотрудница, которая наносила некоторым задержанным мужчинам удары в область паха. Один из силовиков подходил к задержанным и водил возле ануса дубинкой.

Вещи складывали в мешок и по команде, максимально низко опустив головы, задержанные бежали прямо по коридору к камерам.

У одного мужчины, лет 50-ти, во время этого процесса случился сердечный приступ, он побелел и начал сползать по стене вниз. У одного из задержанных висело оторванное веко.

«Пришла врач... сделали укол в сердце, хотя такие уколы не всегда делать можно. Мы слышали, как страшно этот мужчина тогда кричал. Врач ему сказала: „Ты что, сука, тоже хочешь через больницу отсюда уехать?“ И его отравили в камеру».

Все камеры были очень переполнены. Там находились люди с разными тяжелыми увечьями. Кто-то спал, кто-то сидел возле дверей, кто-то умудрялся спать на тумбочке. Вода была только в

12. Из показаний потерпевших количество задержанных в одном дворике варьируется от 45 до 176 человек. Таких двориков в ЦИП было несколько.

кране, людей не кормили, постоянно горел свет и доносились крики избиваемых на улице людей.

07:00 — 24:00

Двор ЦИП

Утром 12 августа силовики избивали новоприбывших задержанных меньше, чем ночью. Людей продолжали привозить из разных РУВД Минска, кого-то сразу отводили на суды, а кто-то ждал своей очереди во дворе ЦИП.

Привезли одного парня с белым браслетом, которого силовики называли «координатором». Его положили на траву и начали избивать без перерыва. Били по спине, по ногам, по копчику, по ягодицам. Обзывали потерпевшего нацистом. Потом заставляли кричать: «*Жыве Беларусь!*», «*Я люблю ОМОН*». Избивали его долго и жестоко. В какой-то момент парень сказал, что не любит «псов режима». После этого силовики начали избивать его ещё сильнее, пока он не потерял сознание.

На улице было довольно холодно, поэтому большинство из тех, кто находился во дворе и был легко одет, замерзали. Пострадавшим продолжали отказывать в медицинской помощи, также периодически угрожали, оскорбляли и избивали, не водили в туалет, кто-то ходил «под себя». Люди стояли на коленях, упершись головой в землю и держа руки за спиной. Мелкие камни травмировали колени и лицо, и земля, и люди были в крови.

«Вес тела уже на голову переносишь, и уже стоишь, впиваешься в эти камни головой. Так мы простояли, наверное, порядка четырех часов».

В таких мучительных позах задержанные могли провести от нескольких часов до целого дня. Несколько пострадавших вспоминают, как между рядами задержанных ходила женщина-медик и спрашивала у силовиков, почему так мало разбитых голов. Она так никого и не осмотрела, помощь никому не оказала.

Тех задержанных, кто был избит до такой степени, что не мог ходить, днем забирала скорая помощь, но медики не могли забрать всех, кого хотели. Силовики сами решали, кого отдать медикам, а кого оставить. Некоторых избитых силовики вытаскивали прямо из машин скорой помощи, запрещая забирать в больницы.

«Он [сотрудник] просто заходит в скорую помощь, что-то спрашивает у врачей, берет за шкурку и выкидывает из скорой помощи со словами: „Все, халява закончилась“. Таким образом, четыре или три машины скорой помощи просто оказались пустыми. Нас не смогли увезти».

Часть людей начали увозить в другие места содержания: Жодино, Могилев, Слуцк.

Некоторых задержанных начали выпускать, однако перед этим сотрудники ОМОН снова избивали их во дворе ЦИП. Людей ставили на колени лицом в землю, затем делали «коридор», били 3–5 минут. Потом им заламывали руки сзади и вели, а по сути их несли, к забору, потому что идти они уже не могли. Приказывали на асфальте стать ногами на бордюр с руками за спиной, а головой упереться в забор. И в таком положении держали долго.

За стеной ЦИП были слышны голоса волонтеров, и если они говорили громко, то задержанных били еще сильнее. Потом некоторых задержанных начали выводить, но ничего не говорили при этом, никто не понимал, куда их ведут.

Прогулочные дворики ЦИП

В прогулочных двориках люди находились весь день 12 августа. Днем там разрешали только стоять, и потерпевшие разговаривали между собой, чтобы кто-то не уснул от усталости и не присел. За это могли избить всех, кто там находился. За весь день выдали 3–4 литра воды на 127 человек. На человека приходилось по одному глотку воды, но до дальних рядов вода не доходила вообще.

На требования оказать медицинскую помощь силовики не реагировали. У одного из мужчин случилась дефекация, до этого его сильно избивали. Некоторых парней просто выводили и избивали. У многих были переломы верхних конечностей. Были люди с сильными ушибами забрюшинного пространства, почек, с переломами ребер, с выбитыми зубами.

«Потом люди поняли, что мне очень плохо, мне реально нужна была медицинская помощь. Они начали стучать в дверь. Подходит какой-то надзорщик, смотрит в глазок и что-то говорит, что „этой псине не положено“... Потом прошло еще какое-то время, мне уже стало совсем плохо. Все люди начали кричать, что сейчас человек, возможно, умрет. После этого пришел врач, все расступились. Врач меня осмотрел, снял одежду со спины, снял мне штаны, после этого я услышал как люди: „Вау, это типа вообще жесть“. Они были все в шоке... Врач тоже был в шоке».

Один задержанный был сильно избит в ЦИП, у него начались проблемы с сердцем.

«Один парень жаловался на то, что у него болит сердце... он сказал, что вот после того, что было там 11 числа... „нас избивали и у меня начались эти боли“. Врач сразу сделал ему ЭКГ, увидел проблемы очень сильные. Он... заставил снять его майку. Парень снял...

И этот врач настолько серьезно, когда увидел то, что у парня все в синяках. Он: „Что вы делаете?! Вы до такого состояния, вы так избивали этого парня, он же молодой, вы его чуть не убили!“. Потребовал вызвать старшего смены. Прибежал замначальника. Врач сказал, что составит документ о том, что тут происходило, что они чуть не убили человека. ... Врач срочно запросил госпитализацию на этого парня в больницу... Созванивался с больницей, чтобы готовили срочно отделение для парня... После этого парня срочно закинули в машину скорой помощи».

В другом прогулочном дворике силовик устраивал такое развлечение: кто последний одевается, того избивают. Он так и говорил: *«Кто последний одевается, получает».*

Днем поставили ведро, чтобы задержанные смогли сходить в туалет. Ведро мгновенно переполнилось, так как все терпели целую ночь. В итоге из ведра просто лилось, и к вечеру треть этого дворика была в луже мочи, а задержанные стояли на оставшейся территории.

В одном из прогулочных двориков находились женщины. Туалета там не было. Было отверстие в полу, и женщины ходили туда, прикрывая друг друга от видеочамер.

Когда начало смеркаться, часть задержанных стала требовать, чтобы их завели в камеры. Люди опасались, что вторую ночь в прогулочном дворике они не переживут из-за ночного холода. После этого пришел силовик, приказал выстроиться всем у стены, и стали разводить по камерам.

Камеры, коридоры ЦИП

В коридорах продолжали раздевать людей, которых выгоняли из прогулочных двориков. Полы

коридоров были в крови и моче.

«В этот момент они меня начали избивать за то, что я не могу встать. Меня кое-как поставили. Ноги дрожали, и я мог упасть. ...я не знаю сколько там было человек, это называется „коридор смерти“ или „коридор пыток“... Они стали в „коридор“... Мне нужно дальше идти... Они меня избивали. Я не мог идти, сзади омоновец меня ударил по спине очень жестко. А я в этот момент ему сказал: „Бей куда угодно, но не бей в спину, потому что у меня деформация грудной клетки врожденная, я могу стать инвалидом и могу остаться тут лежать“».

Они меня поставили на колени возле входа в прогулочный дворик... и начали избивать по пяткам... В этот момент ... говорит один из омоновцев: „Кричи ‘Я люблю ОМОН’“. Я начинаю кричать: „Я люблю ОМОН“. Он говорит: „Громче!“ Я еще громче кричу... В этот момент меня еще продолжали бить по пяткам... После он начал снимать это на видео на телефоне... и отправил там кому-то, то ли жене, то ли еще кому-то, то ли друзьям каким-то...»

Людей избивали также ногами. Если кто-то раздевался медленно, его били. Раздеваться было очень тяжело, потому что немели руки и ноги. Не гнушались избивать и женщин. Перед тем как завести в камеры, одна из сотрудниц ставила каждую задержанную у стены и избивала.

Люди попадали в переполненные камеры. Из показаний: «в 4-х местной камере было 32 человека», «в 5-местной — 42 человека», «в 4-местной — 52 человека», «в 5-местной — 40 человек», «в 6-местной — 33 человека».

В этот же день в некоторые камеры принесли еду (и некоторые задержанные ели впервые с момента задержания 9 августа, то есть спустя трое суток). Кому-то дали кашу непонятного содержания, другим в камеру дали одну буханку хлеба на 25 человек.

Если в какой-то из камер что-то требовали от персонала, дверь открывалась и силовики выливали в камеру, а по факту на людей, ведро воды. В камере и без того было душно, а после того, как выливали воду, становилось невыносимо влажно. На пол нельзя было ни сесть, ни стать.

В камерах многие люди были с повреждениями и травмами. У кого-то были срезаны волосы с кожей, у кого-то — сломанные носы. Все пребывали в сильном стрессе. По словам опрошенных, было ощущение, что некоторые задержанные сходили с ума. У парня в одной из камер была истерика, он был сильно избит, у него была рассечена голова, и он думал, что все присутствующие хотят его убить. Еще одного парня периодически «заклинивало»: каким-то образом, сидя на тумбочке, он засыпал, потом через 30 минут просыпался и начинал говорить такие вещи как «так, мне надо сходить в бассейн», «заказать еды себе». Некоторые женщины тоже «сходили с ума» от сильного стресса.

«Ноги задержанных она называла красивыми вазами. Со словами: „Ну, все, девочки! Пока, я пошла домой“. Она подошла к двери камеры, подергала дверь, постучала, развернулась и села на кровать обратно. Еще ночью у нее началась диарея. Она начала по задержанным всем ходить, был один приступ истерики, но женщины постарались его купировать, оказывая психологическую помощь словами поддержки».

Были женщины, которые теряли сознание. Одна из задержанных, которой было 58 лет, была избита сотрудницей за белый платок.

«„Сука, ты тут за Тихановскую, тварь ты такая“. Она ее била, когда вела».

В некоторых камерах и прямо в коридорах днем проходили суды. Кого-то из задержанных, когда вели на суд, били. Один из потерпевших рассказал:

«Вывели на суд, вниз. По-моему, на втором этаже проходили судебные заседания... Мне не дали ознакомиться с материалами дела, сказали: „Подписывай“. Я говорю: „Но я не согласен с тем, что там написано“. И этот [сотрудник] сзади стоит, дубиной в шею: „Подписывай!“ При судье он: „Закрой пасть, подписывай!“... В маске, в балаклаве. Здоровый „конь“ в балаклаве, форма синяя. Кто там был — понятия не имею... Когда я подписал документы, началось заседание. „Вину признаете?“ Я говорю: „Не признаю“. „Почему? Расскажите, как все было“. Я ей рассказываю. — „Все, вы виновны. Четырнадцать суток Вам“. Вот, собственно говоря, и весь суд».

После суда людей снимали на камеру. Их опрашивали о причинах задержания. Ближе к вечеру людей по трое стали выводить на беседу с сотрудниками КГБ. Женщин перед отправкой в Жодино сотрудница Кристина обзывала шлюхами, говорила, что их «пустят по кругу».

Задержанных не кормили трое суток. Только 12 августа после обеда некоторые задержанные получили первую порцию еды (каша, хлеб и чай). 12 и 13 августа их покормили один раз в день.

«На третьи сутки нам кинули буханку хлеба на 25–26 человек».

13 августа 2020 года

«... один из парней с очень серьезными травмами ног просил о помощи: «Когда он попросил скорую, ему сказали: „Скорая у тебя за спиной. Хочешь в скорую — ползи“».

В течение всего дня одних задержанных отвозили в другие ИВС, а новых доставляли в ЦИП.

Люди, которые находились под открытым небом во дворе ЦИП и в прогулочных двориках, замерзали. Вместе с этим продолжались избиения, унижения, запугивания и оскорбления. Задержанным продолжали отказывать в медицинской помощи. Многие опрошенные рассказывают о том, что силовики мешали работать медикам скорой помощи и не разрешали забирать даже тяжело раненых.

Камеры и прогулочные дворики, как и ранее, оставались переполненными в 6–7 раз и более (например, в 4-местной камере размещали по 25–30 человек). Условия содержания жесточайшие: по стенам стекал конденсат, дышать было нечем. Самочувствие у многих потерпевших ухудшалось из-за голода, отсутствия сна, нехватки кислорода и пережитого стресса. Еда и питьевая вода не предоставлялись или предоставлялись в очень ограниченном количестве. Людей продолжали пытать депривацией сна.

В ночь с 12 на 13 августа в ЦИП приехал на тот момент заместитель министра внутренних дел Республики Беларусь, начальник милиции общественной безопасности Александр Барсуков. Именно по его приказу, после того, как он покинул ЦИП, без каких-либо законных процедур начали выпускать задержанных.

00:00 — 07:00

Двор ЦИП

Этой ночью начали освобождать людей. Во дворе ЦИП силовики сначала заставляли большинство задержанных лечь на землю, а потом жестоко избивали перед освобождением. При этом не скрывали, что делают это из мести за акции протеста и для того, чтобы люди в будущем не выходили на эти акции. Потерпевшие кричали от боли, но их продолжали избивать еще больше. Сильнее всех избивали людей нестандартной внешности: длинноволосых, с дредами, татуировками, пирсингом, а также белорусоязычных. Жуткие крики избиваемых слышали волонтеры и родственники задержанных за пределами территории ЦИП и задержанные в камерах ЦИП. После избиений людей выпускали, приказывая бежать, не останавливаясь и не оглядываясь.

«Где-то в начале пятого меня вывели во дворик. Там была калитка, а за калиткой был ещё один двор. И оттуда доносились стоны, вопли, крики. Это были „провода“».

«Надо было бежать до стены. За каждым из нас был закреплен сотрудник ОМОНа. Он мне сказал: „Если упадешь, то тебе будет пиздец“. Надо было встать около стены, поднять руки вверх и вывернуть ладони, ноги на растяжку. В этот момент он начал пробивать мне ногами в область ног в болевые зоны. Избивали долго. Приказали лечь на землю, руки за спину, в этот момент избивали дубинкой от ягодиц до ног. Надо было в это время петь гимн. Долго избивали, я терпел, молчал. Потом уже он начал мне подсказывать слова. Я начал повторять за ним, удары были не такие частые. Потом надо было встать и бежать вдоль забора в обратную сторону. Там снова был коридор. Нас избивали. Надо было просто добежать до выхода».

«Приказали лечь лицом в землю. И, со словами, „такая прическа сейчас не модная“ отрезал большую часть дредов ножом. Потом сказали присоединиться к основной группе. Уже все ребята стояли вдоль стены, лицом к стене. И над каждым человеком стоит омовец. И он начинает бить дубинкой по бедрам и ягодицам — это очень больно. Я кричал, стонал, он что-то орал мне в ответ. Он ещё сильнее, наступают на тебя, держит ногой».

«Все, что я видела — стены, ограждение белое, стены здания, везде стояли парни. По всему периметру. Я не знаю, сколько их там было. Все было заполнено парнями и их выпускали порциями и перед выпуском их избивали».

«Меня первого положили на землю, стали на ноги, сразу несколько ударов по ногам, потом другому. Нас человек 20 лежало. И давай лупить по ногам. Когда всё закончилось, подняться я уже практически не мог — на мне „добра“ поставили. Я понимал, что если сейчас не поднимусь, меня назад в камеру. Подняться мне помог военный».

Прогулочные дворики ЦИП

Люди, находившиеся ночью в прогулочных двориках, фактически на улице, сильно замерзали. В каждом дворике в тот момент было от 80 до 100 человек. Их жестоко избивали силовики. Утром им во дворики кинули хлеб, каждому вышло примерно по 100 граммов.

«Потом приказали одеться и вернули обратно в этот прогулочный дворик. Нас было 91 человек ровно. И там мы уже находились около 3 часов. Было очень холодно, так как было около полуночи. Мы начали замерзать и десятки людей, десятки взрослых мужчин стоя, жались друг к другу, чтобы согреться, делились одеждой, потому что кто-то даже был без обуви, в шортах, в майке. Один был без майки, то есть это было невыносимо. Было настолько много людей на такой маленький квадрат площади, что невозможно было даже всем сесть на пол. То есть мы сидели по очереди. Так большую часть времени пришлось стоя, на холоде быть там. Всю ночь мы слышали, как со двора доносились крики, людей явно избивали, мучили. В таком общем состоянии мы пробыли до утра. Утром открылись двери, нам дали 6 батончиков, 6 буханок хлеба на всех».

Задержанные кое-как пытались уснуть, но поспать толком ни у кого не получалось, не было места на бетонном полу. В одном из двориков около 80 человек до позднего вечера сидели полностью голыми. В этих двориках не было уборных, поэтому небольшие сливные отверстия использовались как туалет. Питьевой воды на всех не хватало, так как силовики приносили не больше двух-трех полуторалитровых бутылок на дворик, где могло быть более ста человек.

Ночью привозили новых задержанных. Над ними психологически издевались и избивали.

«Слышно, как избивали людей, слышны были их крики, силовики заставляли кричать „Я люблю ОМОН! Я люблю ОМОН“. Люди пели гимн Республики Беларусь. Было такое, что слышно, они поют гимн, им кричат „громче, громче“, они поют еще громче, их бьют дальше. Люди уже на хрип исходят, а их продолжают бить. Я слышал душераздирающие крики, треск электрошокеров, крики сотрудников. Ощущение было, что туда выводили тупо избить, так как вопросов там не задавали. Люди кричали „Хватит! Помогите!“ до тех пор, пока не замолкали».

«Если в камерах у кого-то была верхняя одежда, то ее ложили на пол, чтобы было теплее лежать. От усталости кто-то засыпал даже на холодном бе-

тонном полу. В одной из таких камер около 80 человек до позднего вечера сидели полностью голыми».

Камеры, коридоры ЦИП

Некоторых задержанных выводили из камер во двор и избивали. Люди в камерах слышали удары и жуткие крики избиваемых. Многие свидетельствуют, что слышать звуки этих пыток было психологически невыносимо.

«Ночью 12 и 13 августа я хорошо слышала, как из двора и из камеры доносились крики избиваемых мужчин, которые просили помощи и звали своих матерей. И каждый раз это продолжалось часа по три».

«Я слышал, как ночью людей выводили из камер и избивали во дворе тюрьмы. Были слышны звуки ударов и долгие протяжные крики. Кто-то просил, умолял, оправдывался: „Это не я кидал камни и т. п.“».

«Находясь в камере, я слышал, как в автозаках привозили задержанных и избивали во дворе. Стоял страшный вой».

Все камеры были переполнены в 5–6 раз. Воздуха не хватало, люди от духоты теряли сознание. Медицинскую помощь им не оказывали.

«В 3-местной камере нас было 17 (семнадцать) человек. Ни матрасов, ничего нет».

«Из-за духоты мужчине в камере на третьем этаже стало плохо, поэтому ему вызвали доктора, реакция которого была: „Ну если сдохнет, ничего страшного. Помянем“».

В какой-то момент по камерам стали ходить силовики и говорить, что скоро приедет заместитель министра МВД. Они предупреждали не говорить ничего «лишнего». В некоторых камерах, где находились наиболее избитые, погасили свет. Вскоре в ЦИП приехал Александр Барсуков. Перед его приходом из камер выводили самых избитых, нуждающимся давали лекарства. Барсуков ходил по камерам с группой людей, ведущей съемки, и обещал всех освободить. После его посещения ночью задержанных начали понемногу освобождать.

«Буквально через 5 минут пришёл Барсуков. Он начал говорить, что всех отпустят, что не все сотрудники плохие, некоторые „перегибают палку“. И спросил: „Били ли вас в камере?“ Мы сказали, что нас в камере не били, так как били до камеры. В этот момент женщина снимала. Он сказал: „Все, я вам обещаю, что мы вас сейчас отпустим“. Все заулыбались. И в этот момент он опять отодвинулся и женщина поснимала на видео, что задержанные такие счастливые и довольные в камере».

«Генералом этим был Барсуков. И он такой заходит, вместе с ним заходят какие-то женщины с видеокameraми включенными. Нам сказали всем приготовиться, лишнего ничего не говорить. Вплоть до того, что от того, что вы будете говорить, будет зависеть, освободят вас или нет».

«Нам-то сказали, что отпустят, „но [это] будет зависеть от того, что вы скажете. Потому думайте, хотите вы отсюда сегодня выйти или не хотите“. Зайдя в камеру, Барсуков задавал вопросы: „Как, вас тут не бьют?“ Хотя было очевидно, что бьют — все стоят даже не синие, а черные. Все мы сказали, что нас не бьют. Сказал, что вас отпустят, но чтобы больше не попадались».

«Когда приезжал замминистра МВД Барсуков, нам не сказали именно, кто это приезжает. Сказали, что сейчас будут ходить. Сказали, что если вы хотите уйти отсюда живыми, то **никто никого не бил**. Хотя это нереально, потому что лично в моей камере ни одного человека целого не было. Все были что-то где-то как-то избиты».

07:00 — 24:00

Двор ЦИП

Весь день задержанных из ЦИП развозили по другим ИВС. В то же время силовики привозили новых. Медицинскую помощь им не оказывали, людей с татуировками, дрэдами, длинными волосами, пирсингом, белорусскоязычных и, по мнению силовиков, принадлежащих к ЛГБТК сообществу, усиленно избивали. Всех, кого этапировали в другие ИВС, до распределения по автозакам держали стоя лицом к стене с поднятыми руками по 3-4 часа. Тех, кого не этапировали и кто не был сильно избит, понемногу освобождали.

«Стоявший в толпе задержанных немолодой тучный мужчина, судя по всему диабетик, вдруг посинел и рухнул на землю. Все стали звать помощь, и к лежащему медленно, вальяжно подошел медработник в красной жилетке с крестом, огромный небритый мужчина. Медработник не только ничем не помог мужчине, он даже не склонился над ним, и, более того, пнул его ногой, а затем заставил ползти в помещение».

«И только стоит тебе как-то голову повернуть или какое-то движение — сразу получаешь дубинкой. Рядом стоял парень, у него на руке татуировки были скандинавские руны. Подошел, говорит: „Ты что, фашист? Что это такое? Ну-ка, пойдём поговорим“. Отвел его, несколько раз ударил дубиной и обратно поставил. И к очень многим цеплялись. „Кто вам платит?“, „Чего тебе не живется, скотина?“, „Я дома не был уже знаешь сколько из-за таких, как ты тварей?“».

Прогулочные дворики ЦИП

Утром в прогулочные дворики силовики начали кидать людям хлеб. Это было похоже на кормежку животных: открывали двери и кидали несколько буханок хлеба, пять — восемь, на 80 — 100 человек. Многие к тому времени не ели уже несколько суток. Также приносили очень ограниченное количество воды, не всем хватало даже на глоток. Воду приносили в пластиковых бутылках или чайниках, откуда все пили из горлышка, что в разгар COVID-19 было угрозой здоровью и даже жизни. Вечером похолодало и находящиеся в прогулочных двориках люди снова замерзали.

«Нам принесли воду. Литра три было максимум, чайник металлический. Воды не хватило, за воду были самые ожесточенные споры. Конфликты возникали именно из-за воды, что кто-то сделал два глотка, а должен был сделать один глоток. Пить очень хотелось. Я видел, парни, которые были избиты, они говорят „горло пересохло, я пить хочу“. За все время, мы считали, нам принесли 3 раза по 4,5 литра воды. Потом, через несколько часов, нам открыли дверь и начали кидать буханки черного хлеба. Мы посчитали, посмотрели, сколько буханок, посчитали, что одна буханка на 6 человек должна была быть».

«Около 22 часов 13 августа к нам в камеру пришли и сказали, что выведут на прогулку. Нас всех вывели на прогулку в прогулочный дворик. Там уже были

люди. Как мы потом посчитались, в прогулочном дворике нас было 120 человек. В этом прогулочном дворике мы находились до 12 часов следующего дня. С 22:00 до 12:00 часов, за это время нам дали 6 литров воды, 3 бутылки по 2 литра. Все пили из бутылок. Среди нас был молодой человек, который был просто в нижнем белье, на ногах у него ничего не было. При этом пол и стены бетонные, потолок-решетка. Ему кто-то отдал стельки с кроссовок, какую-то одежду, поставили в центр. Замерзли все очень сильно».

Камеры, коридоры ЦИП

С утра продолжали судить задержанных, одних по скайпу, других офлайн. При этом судьи игнорировали жалобы потерпевших на пытки, не вмешивались, когда силовики били людей прямо при них.

Кормить стали стабильнее, однако из-за перенаселенности ЦИП до второго этажа еда уже доходила в ограниченном количестве, на всех не хватало. Днем в переполненных камерах было все так же душно. Некоторые силовики, чтобы причинить людям еще больше страданий, целенаправленно закрывали кормушки в дверях, отчего задержанные практически задохнулись без воздуха. Небольшими партиями людей продолжали освобождать.

«Было очень жарко. Окно в камере у нас было чуть-чуть приоткрыто, была щель. Добраться до окна невозможно, чтобы самому открыть (там решетка), но оно уже было приоткрыто. Все равно, когда мы все легли, было очень жарко, мы все разделись до трусов. У одного парня было давление (он жаловался на давление, говорил таблетки пьет). Мы никого не вызывали. Нам рассказывали, кто нажмет кнопку вызова, ту камеру обещали избить. Поэтому, мы не нажимали эту кнопку».

«13 августа было уже три приема пищи. Как я позже узнал от товарища, с которым мы ехали в автомобиле, они были выше, на третьем или четвертом этаже. И до них еда просто не доходила, им раздавали просто хлеб».

«Суд проходил таким образом: вызывали 5–8 человек, поднимали их на 2-й этаж и минут через 10–15 все эти люди возвращались уже, как правило, „с сутками“. При этом все это сопровождалось перед судьями избиениями прямо у них на глазах».

«И в какой-то момент меня позвали в кабинет, где сидело 2 женщины. Одна в судейской мантии, **судья Буйновская А.И.**, судья суда Фрунзенского района. Мне зачитали, в чем я обвиняюсь. Я объяснил, что ничего такого не было. Судье рассказал, как было, рассказал, что меня избивали, рассказал, что задержали в другом месте, но судья это проигнорировала и сказала, что если я не признаю свою вину, то никаких послаблений быть не может. В итоге мне присудили 10 суток ареста и отправили в другой кабинет».

14 августа 2020

Ночью и в течение всего дня 14 августа из ЦИП освобождали задержанных. Как и в предыдущие дни, при освобождении в ночное время силовики избивали людей. Днем освобождали без избиений, предупреждая, чтобы не выходили на акции протеста. Личные вещи людям в подавляющем большинстве не отдавали, так как они были свалены в одной комнате и найти их не было возможности. Многие вынуждены были покинуть ЦИП без телефонов, ключей от квартиры и средств для проезда домой.

00:00 — 07:00

Людей продолжали освобождать. Перед освобождением ОМОН избивал их ногами и дубинками. Силовики издевались над людьми с дредами, с длинными волосами, татуировками.

«Ночью стали предлагать подписать соглашение о том, что ты больше не будешь участвовать в митингах, в противном случае будешь привлечен к уголовной ответственности. В принципе, все подписывали, нежелающих не было, потому что и шансов не было: кто не подписывал, того били, и они всё равно подписывали. После этого вывели на улицу, построили. Так мы стояли часа три. Потом приехали омоновцы, и опять начали проводить досмотр. Начали осматривать всех, требовали показать ягодички и лопатки, у кого не было травм, ложили на землю и избивали, у кого были длинные прически — стригли прямо при нас, во дворе. Выпускали нас по 6 человек, со словами, что, мол, сейчас мы вас били до полусмерти, а в следующий раз мы вас убьем».

«Девчонка одна вообще отказалась подписывать бумагу о неучастии в акциях, сказала, что у „меня ключи там в моей сумке, я никуда не пойду, потому что мне идти некуда и так далее. Отдавайте мне сумку“. Один омоновец после чего взял дубину и начали ее там метелить».

07:00 — 24:00

Продолжалось освобождение задержанных. Оставшихся людей расселяли по другим камерам. Переполненность камер уже была не такая большая. Днем при освобождении силовики людей не избивали. Многих загружали в автозаки и вывозили с территории ЦИП в город, где освобождали в разных районах, подальше от изолятора. Под стенами ЦИП освобожденных встречали родственники и друзья, а также волонтеры, которые оказывали нуждающимся медицинскую и иную необходимую помощь.

«За час до освобождения, примерно около 13–14 часов, мы не знали, что оно будет. Просто как это происходило: нас разгрузили по камерам на втором этаже по 5–6 человек, как будто бы для вида, перед кем-то. Затем выставляют в коридор, мы по привычке стоим лицом к стене. Приходит мужчина и говорит: „Ребята, все, теперь вы свободны. Можете руки держать по швам, поворачивайтесь лицом ко мне. И хочу перед вами извиниться. Во всех ситуациях конфликтных летят щепки, вы этими щепками оказались. Моя задача просто вас приехать, покормить и выпустить“.

Во дворе, посадили в автозаки, автозаки развезли нас по разным частям города. Они все были в балаклавах, естественно, которые нас развозили. Они спрашивали: „Удобно ли вам сидеть, не тесно ли вам?“. Включили кондиционер в автозаке. Когда закрывали дверь спрашивали: „Нормально ли, ничего ли

не мешает, подпирает?" Когда мы выходили из автозака, спускались по ступенькам, фразы были типа „всего доброго!“, „до свиданья!“

Я иду, и из каждой машины играет песня „Перемен“. Я не понимаю, что происходит, а потом, когда я добрался домой, когда приехали друзья, и когда я вышел в Интернет, увидел то, что весь город марширует. Вот только тогда мы поняли, почему они все такие вежливые были в последний день».

Побои, травмы, повреждения у пострадавших от насилия людей

На протяжении всех дней, 9–13 августа 2020 года, машины скорой медицинской помощи забирали из ЦИП избитых и покалеченных людей в исключительно редких случаях, с разрешения силовиков. Несмотря на очевидные травмы, тяжелое состояние задержанных, в помещении изолятора и на внутренней территории медицинская помощь им фактически не оказывалась или оказывалась в редких случаях.

Довольно сложно понять, где именно люди получили травмы, так как насилию они подвергались на всех этапах — во время задержания, при транспортировке, во время нахождения в РУВД Минска и на территории самого ЦИП. Даже если после жесткой «приемки» некоторых пострадавших определяли сразу в камеру и на протяжении оставшихся до выхода суток никакого насилия к ним не применялось, то состояние от уже полученных травм осложнялось ужасными условиями содержания — в переполненных в 5–6 раз душных камерах и переполненных холодных прогулочных двориках, с антисанитарией, пытками депривацией сна, отсутствием еды и питьевой воды.

«У меня года три или четыре назад была травма плеча. И у меня резко в какой-то день заболело это плечо. Я сделал МРТ — показало разрыв сухожилий и связки и подозрение на перелом хрящевой косточки. Опять же, вроде меня там не били, но я на кровати этой лежал, то есть она там железная, вот эти прутья, между которыми расстояние довольно большое, и лежать на ней было как-то проблематично».

Из многих описанных выше свидетельств видно, что людям, находящимся на территории ЦИП, не оказывалась своевременная и качественная медицинская помощь. Сотрудники Окрестина оказывали минимальную помощь только в самых критических случаях или же не оказывали ее совсем. Также пострадавшие рассказывают о том, что силовики на Окрестина максимально осложняли работу приезжавшим на вызовы врачам скорой медицинской помощи: не разрешали осматривать всех, кому требовалась помощь, не разрешали забирать пострадавших с серьезными травмами в больницу. В какие-то моменты, несмотря на протесты врачей, силовики самостоятельно проводили отбор людей, которым разрешали оказать медпомощь или забрать в больницу:

«Перед тем, как меня выпустить из Окрестина, они [сотрудники Окрестина] ругались, что не могут идентифицировать, кто я такой. Они долго говорили медикам, что не выпустят меня, пока не узнают мою фамилию. Но медики говорили им, что я без сознания, и это невозможно».

По свидетельствам пострадавших, даже с врачами скорой медицинской помощи силовики вели себя по-хамски, оскорбляли их, угрожали и препятствовали в оказании помощи. Также были случаи, когда машины скорой помощи долго не выпускали с территории Окрестина.

Большинство травм у пострадавших было из-за перенесенных побоев — выбитые зубы и повреждения челюсти, гематомы, ссадины, ушибы, растяжения, переломы и ЧМТ (черепно-мозговая травма) разной степени тяжести. Гематомы могли составлять до 80% всего тела. Не менее тяжелые характерные диагнозы того периода: внутренние кровотечения, ушибы грудной клетки, переломы носа, ребер, ног, пальцев рук, сильные травмы кистей рук из-за перетянутых стяжек, растяжения связок голеностопных, локтевых и коленных суставов. Также, когда людей били по голове, удары часто приходились на уши. Из-за этого часть пострадавших свидетельствует о том, что позже им ставили диагноз «перфорация барабанной перепонки», также некоторые отмечают ухудшение слуха:

«Уши долго проходили, потому что били по ушам, то есть слух частично по-

терял».

Некоторые пострадавшие говорят о том, что им ставился диагноз «истощение»:

«Я был сильно истощен, избит. По мне было видно, что я еле живой».

Но все же основные травмы приходились на нижнюю часть туловища:

«У меня очень сильный ушиб тазобедренной кости. После этого я две с половиной недели ездил на инвалидной коляске, потому что я не мог ходить».

«Колени, спина, ягодицы, бедра, а еще у меня в колене какая-то жидкость собралась».

Также многочисленные травмы пострадавшими были получены во время многочасовых стояний на коленях:

«Мне потом поставили посттравматический флеботромбоз глубоких вен. Это скорее всего не только из-за избиений, но и из-за того, что нас обездвигили и не давали пить. Кровь сгущается от нехватки воды. Плюс эта поза, в которой у тебя колени согнуты, тоже усугубляет ситуацию».

Часть пострадавших рассказывает о том, что после освобождения у них начались проблемы с иммунитетом — простуды, потеря веса, общая необъяснимая усталость:

«Пока я находилась в ЦИП, видно, организм максимально собрался. Как только я вышла оттуда, на второй день все — мое здоровье начало сдавать. Я и заболела, у меня температура три дня была 38-39. Пошла к врачу. Ковид не нашли, но сказали, что у меня иммунитет максимально убит. Потом температура неделю была 35. У меня было вообще бессилие: я ничего не хотела, не могла, я вот могла только ходить иногда, у меня была какая-то максимальная слабость. За время нахождения в ЦИП я потеряла восемь килограмм».

В ночь с 11 на 12 августа температура воздуха опускалась до +16°C¹³, такой же она оставалась и днем. Ночь с 12 на 13 августа была еще холоднее — до +15°C, а ночью с 13 на 14 августа температура опустилась до +13°C. Те из задержанных, которые находились в прогулочных двориках или во дворах ЦИП, были вынуждены стоять на улице в легкой летней одежде без какой-либо возможности согреться. Также в прогулочных двориках людей обливали водой. Поэтому часть пострадавших рассказывает о том, что после освобождения от нескольких дней до двух недель им пришлось лечиться от простуды:

«У меня после всего жутко заболело горло и пару дней была температура 39. Я уже испугался, что короновирус, пошёл сдать анализы. Это, наверное, последствия бетонного пола и проведенных на нем 26 часов ночью и холодной воды из-под крана, которую все пили из одной бутылки».

У многих началось обострение хронических заболеваний почек (опущения, увеличения), сердца, спины. «У меня раньше болела поясница, но теперь это стало ещё хуже, болит лопатка, вдоль позвоночника щемит нерв». Многие отмечали обострения болезней суставов, а также других заболеваний:

«У меня проблемы со зрением и гидроцефалия — когда в головном мозгу лишняя жидкость. У меня это приобретенное. И она находится в спящем режиме. И она не должна развиваться, но при сильном ударе в голову могу зрение потерять. И удары прилетали в голову. И болело как глазное яблоко. Кстати, зрение ухудшилось после этих событий».

13. <https://www.timeanddate.com/weather/belarus/minsk/historic?month=8&year=2020>

Также стоит отметить, что в некоторых районных поликлиниках по Минску врачи либо отказывались принимать пострадавших в период протестов либо не оказывали им должной помощи:

«В пятницу поехал я в свою поликлинику. В поликлинике все описал, как все началось, но меня, почему-то врач не хотел слушать. Он мне говорит — ушиб, там трещина небольшая, ничего страшного. Но у меня нога очень сильно болит, я не могу понять, что с ней. И потом поехал я в БСМП. Там приняли, осмотрели, сделали снимки и обнаружили, что у меня перелом лодыжки и перелом фаланги пальца».

Были случаи, когда в государственных медицинских учреждениях врачи не имели возможности оказывать надлежащую помощь. Один опрошенный рассказывает, что после того, как его отпустили, у него остались раны на ногах. За медицинской помощью он обратился в поликлинику по месту жительства. Какое-то время он ходил на перевязки, но раны не проходили и начинали гноиться. Врач, работавшая с ним, посоветовала обратиться в частный центр:

«Я, говорит, в поликлинике, я не могу тебе достать это [осколки], у меня нет таких [инструментов], чтобы я тебе достала или вообще проверяла. Езжай на МРТ».

Позже, в частном медицинском учреждении, из ноги пострадавшего были извлечены металлические осколки, происхождения которых он не знает, и часть резиновой пули.

Многие пострадавшие рассказывают о психологических нарушениях, таких как тревожность — «первые дни в больнице было страшно, что снова приедут, заберут в милицию», нарушении сна — «и глаз дергается, и сон никакой», а также «эмоциональная диссоциация, панические атаки, ПТСР¹⁴», зажимы челюсти — «у меня заклинило челюсть, думаю, когда были моменты страха, что тебя побьют, сильно зажимаешь, мне потом каппу надо было носить, чтобы расслабить». Многие говорили, что какое-то время после освобождения боялись выходить на улицу. Некоторые не чувствовали себя в безопасности даже дома. Часть пострадавших описывают состояние дезориентации, чаще всего во сне или сразу после пробуждения, — им казалось, что они все еще находятся на Окрестина:

«Я даже на улицу не выходил. То есть первых два дня я выглядывал в окно постоянно, как параноик, присутствовал какой-то страх, что могут приехать за мной».

«Первое время я мог проснуться среди ночи, потому что от сознания этой стрессовой ситуации никуда не деться, даже если ты там суперстрессоустойчивый. И я, когда просыпался среди ночи, я думал, что я все еще там».

В интервью пострадавшие описывали случаи резко и сильно проступившей седины. Также был описан случай начавшегося заикания:

«Я заикался почти два месяца после Окрестина. Я реально очень сильно заикался. Я никогда в жизни не заикался».

Многие пострадавшие говорили, что после освобождения стали острее и агрессивнее реагировать на разные вещи:

«Стал нервным, я сам замечал. На работе, к тому моменту я уже несколько лет работал, поэтому опыт в проекте у меня был. Поэтому я требовал от тех, кто приходит, чтобы работа выполнялась добросовестно и качественно. Поначалу был более сдержанный, потом стал более резкий, порой грубый».

Некоторые гематомы, ссадины, ушибы, по словам пострадавших, могли проходить довольно

14. Посттравматическое стрессовое расстройство.

быстро — от нескольких дней до недели. Чаще всего люди практически полностью восстанавливались через две-три недели. Но восстановление от более сложных повреждений, которые требовали тщательного лечения, могло занимать от нескольких месяцев до года. Многие говорят о том, что они до сих пор ощущают на себе последствия травм, полученных в августе.

Что касается психологического состояния, то даже в более поздних опросах (осень 2022 года) часть пострадавших отмечает, что полностью восстановиться им так и не удалось — они продолжают сталкиваться с депрессией, повышенной тревожностью и периодически имеют проблемы со сном.

Внимание! Следующие четыре страницы содержат фото описанных травм.

Фото из кейсов потерпевших, которые были опрошены Международным комитетом по расследованию пыток в Беларуси

1 кейс

2 кейс

3 кейс

4 кейс

5 кейс

Фото из отчета «Беларусь: скоординированная политика пыток. Судебно-медицинская экспертиза 50 случаев пыток¹⁵»

Здесь и далее фото избитых мирных граждан после акций протестов в августе 2020 года в г. Минске.

15. https://www.legin.by/uploads/20211110_618b9ec2403b2.pdf

Из-за опасения репрессий не все потерпевшие дали согласие даже на публикацию анонимных и обезличенных фото следов пыток. Публикуем фото из отчета «**Беларусь: скоординированная политика пыток**» (авторы: Международный комитет по расследованию пыток в Беларуси, Международный совет по реабилитации жертв пыток (IRCT) и его Независимая судебно-экспертная группа (IFEG)). Данные фото несут здесь иллюстративный характер. Цель их публикации — показать характер травм задержанных после массовых пыток в августе 2020 года.

Лица, ответственные за пытки задержанных в Центре изоляции правонарушителей

«Приходит эта „врачиха“, говорит: „Гондон, что ты хочешь, бля?“ Он попросил воды. „Врачиха“ была в красном платье в длинном, где-то может она с празднования какого-то или она так на работу ходит. Она: „Женя, дай ему пиздюлей нахуй“. Пришел какой-то Женя и начал избивать этого мужчину. Одна женщина-сотрудник, взгляд я ее запомнил на всю жизнь, била. Был потом в камере парень байкер, он говорит, она стала у него в голове ногами и с двух рук начала бить ему между ягодиц по мошонке».

Потерпевшие, как правило, свидетельствуют о том, что во дворе ЦИП и прогулочных двориках, а также в коридорах задержанных избивали в основном силовики ОМОНа в черной форме и балаклавах, что существенно затрудняет опознание данных лиц по фотографиям.

Несмотря на то, что многие сотрудники ЦИП были в медицинских масках, потерпевшими были опознаны некоторые из тех, кто избивал и издевался над задержанными.

Наряду с опознанными силовиками считаем необходимым указать высших должностных лиц, ответственных за нарушение законности в ЦИП и безнаказанность преступников.

1. Лицо, занимающее пост президента Республики Беларусь, **Лукашенко Александр Григорьевич**.
2. Бывший министр внутренних дел Республики Беларусь **Караев Юрий Хаджимуратович** (11 июня 2019 — 29 октября 2020).
3. Бывший заместитель министра внутренних дел Республики Беларусь **Барсуков Александр Петрович** (2017 — 2020).
4. Бывший начальник Главного управления внутренних дел Минского горисполкома **Кубраков Иван Владимирович** (с 29 октября 2020 года министр внутренних дел Республики Беларусь).
5. Командир ОМОН ГУВД Мингорисполкома **Балаба Дмитрий Владимирович**.
6. Бывший Генеральный прокурор Республики Беларусь **Конюк Александр Владимирович** (2011 — 2020).
7. Генеральный прокурор Республики Беларусь **Швед Андрей Иванович**.
8. Прокурор города Минска **Лаврухин Олег Владимирович**.
9. Прокурор Московского района г. Минска **Шабан Виктор Ярославович**.

При опросах Международного комитета по расследованию пыток в Беларуси потерпевшими были опознаны указанные далее должностные лица, причастные к пыткам задержанных в ЦИП ГУВД Мингорисполкома с 9 по 14 августа 2020 года. Идентификация силовиков также проходила в социальных сетях, люди опознали их после публикации фотографий в интернете. При этом граждане указывают, что силовики и после августа 2020 года продолжают осуществлять пытки в ЦИП.

№	ФИО	Описание
1	<p>Шапетько Евгений Андреевич</p> 	<p>Опознан многими опрошенными</p> <p>Как начальник ЦИП ответственен за условия содержания и другие процессы в подведомственном ему учреждении. Допустил массовые пытки и жестокое обращение с задержанными на территории учреждения. Непосредственно отдавал приказы, не предпринимал никаких действий для пресечения пыток.</p> <p>По сегодняшний день является начальником ЦИП и руководит массовыми пытками политических заключенных. Целенаправленно создает жестокие и бесчеловечные условия содержания для политических заключенных.</p> <p><i>«Точно там был и руководил процессом».</i></p> <p><i>«Начальника видел 14-го августа, когда освобождали задержанных с ЦИП».</i></p> <p><i>«Видел начальника ЦИП, майора, он был без маски. Сам ничего не делал».</i></p> <p><i>«Во дворе часто очень присутствовал начальник ЦИПа, не помню фамилии, но морду я его знаю. Он там постоянно присутствовал при этих избиениях, с него можно будет спросить в конечном итоге».</i></p>
2	<p>Атросенко Юрий Михайлович</p> 	<p>Опознан через социальные сети</p> <p>Непосредственно в участии в пытках не опознан, конвоировал задержанных по камерам. При его молчаливом согласии совершались пытки и жестокое обращение с задержанными. Видел избитых и раненых, никак не реагировал на нарушения законности.</p> <p><i>«Вот этот тоже заводил-приводил в камеры, но это не продольный. Не знаю, кто по званию. Оскорблений не слышала. Просто, как робот, был».</i></p>
3	<p>Цыбульский Анатолий Анатольевич</p> 	<p>Опознан опрошенными</p> <p>При его молчаливом согласии применялись пытки задержанных. Видел избитых и раненых, никак не реагировал на нарушения законности.</p> <p><i>«Во второй половине дня 12 августа (было еще светло) зашли в прогулочную камеру вместе с Врублевским. Были без масок и в темно-синей форме. Несколько минут постояли в камере, осмотрели ее и о чем-то переговорили. В тот момент камера была в несколько раз переполнена, в ней находились тяжело избитые люди, стояло ведро, которое использовалось как туалет, так как в уборную нас не водили. Пробыв в камере пару минут и никак не отреагировав на нарушения, они вышли».</i></p>

№	ФИО	Описание
4	<p>Гасперчик Андрей Михайлович</p> 	<p>Опознан опрошенными и через социальные сети</p> <p>Непосредственно в пытках не опознан. При его молчаливом согласии совершались пытки и жестокое обращение с задержанными. Видел избитых и раненых, никак не реагировал на нарушения законности.</p> <p><i>«Похож на сотрудника, который дежурил на втором этаже».</i></p> <p><i>«Самый адекватный, насколько это возможно. Не оскорблял, не унижал. Кричал на бездомных и на тех, кто не по политике».</i></p> <p><i>«Гасперчик Андрей Михайлович, дежурный, был в звании капитан, называл нас „злодеями“. Очень редко, но можно было выпросить прогулку и покурить (выводил поздно вечером, чтобы начальство не видело), давал сигареты. Ругался на бездомных людей, иногда их бил».</i></p>
5	<p>Иваницкий Дмитрий Александрович</p> 	<p>Опознан через социальные сети</p> <p>Непосредственно в пытках не опознан. При его молчаливом согласии совершались пытки и жестокое обращение с задержанными. Видел избитых и раненых, никак не реагировал на нарушения законности.</p> <p><i>«Был коридорным и принимал-выпускал людей. Именно меня выпускал и проводил обыск».</i></p> <p><i>«Это обычный сержант. Водил на беседы, заводил в камеру и т.д. Унижения и оскорбления от него не замечала».</i></p>
6	<p>Шкурский Константин Викторович</p> 	<p>Опознан опрошенными</p> <p>Непосредственно в пытках не опознан. При его молчаливом согласии применялись пытки и жестокое обращение с задержанными. Видел избитых и раненых, никак не реагировал на нарушения законности.</p> <p><i>«Шкурский Константин Викторович, его лицо знакомо. 14 августа 2020 года меня и еще сотни людей собирали на основном дворе между ИВС и ЦИП для отправки в другие места заключения. Я его тогда там и видел. Запомнился тем, что он руководил этим процессом и очень старался перед своим начальством, которое там также присутствовало».</i></p>

№	ФИО	Описание
7	<p>Тишечкин Игорь Владиславович</p> 	<p>Опознан через социальные сети</p> <p>Принимал активное участие в пытках и жестоком обращении с задержанными, сам проявлял инициативу, выслуживался перед начальством.</p> <p><i>«Вот он не дал глухонемой женщине слуховой аппарат. Разговаривал матом, унижал всех. Забирал деньги из личных вещей в счет питания».</i></p> <p>После августа 2020 года</p> <p><i>«Оскорблял, избивал, забирал матрасы у тех, у кого они были, угрожал вылить хлорку. Переводил бездомных, заражённых педикулезом (и/или бельевыми вшами) в переполнение камеры с задержанными по политическим статьям. Мне он отказался опускаться нару (опускается с внешней стороны), когда был в карцере. Пришлось спать с температурой на плитке».</i></p>
8	<p>Тукач/Коледа Светлана Викторовна</p> 	<p>Опознана опрошенными</p> <p>Активно содействовала применению пыток, угрожала потерпевшим, не оказывала медицинскую помощь больным и раненым задержанным.</p> <p><i>«Она там точно была. Как я помню, в качестве главы медотдела ИВС или ЦИП. Она подходила и угрожала человеку, которого били рядом со мной».</i></p> <p><i>«Женщина точно была при приеме, помогала при досмотре. Угрожала, была с дубинкой. Была кого или нет, не знаю».</i></p>

№	ФИО	Описание
9	<p>Врублевский Евгений Алексеевич</p> 	<p>Опознан опрошенными и через социальные сети</p> <p>Один из самых жестоких сотрудников ЦИП. Многие опрошенные свидетельствуют о целенаправленных избиениях им задержанных, характеризуют его как садиста, избивающего ради удовольствия. Очень старался выслужиться перед начальством и другими силовиками. По сегодняшний день, не скрывая, активно пытается политических заключенных, гордится своими действиями.</p> <p><i>«Мы стояли на коленях, руки за голову, а этот Женя постоянно нас бил».</i></p> <p><i>«...сотрудники говорили: „Женя, не лютуй, хули ты так делаешь вообще“. Менты окрестинские вели себя адекватно, когда свалил омон. Они понимали, что мы люди и ничего с нами не делали. Но пока был омон, это был п*** (ужас). Женя лично бил людей, меня избивал ногами и дубинкой, говорил: „Как тебе коктейли молотова кидать?“. Это был точно он».</i></p> <p><i>«Кошмарил всех. ... точно помню, что он там был и мы обсуждали между собой: „Только бы на этого бровистого не нарваться“».</i></p> <p><i>«... он заставляет меня раздеваться, типа просит, чтобы раздели до трусов, и по голому телу начинает меня избивать».</i></p> <p><i>«Унижал, кричал, запугивал. Отличался особым усердием, а также он вызвал каких-то людей в черном, которые меня вывели из камеры и избили возле дверей в коридоре, после чего заставили вытирать кровь с пола своей же майкой. После того как меня избили, Врублевский открыл камеру и вылил ведро воды на меня и рядом сидящих со словами, что в следующий раз это будет два ведра параши. Когда отпускали из ЦИП 14-го числа, он лично отвел меня в прогулочный дворик и держал там, пока все не вышли, грозясь, что меня увезут в СИЗО за то, что я отказался подписывать раскаяние, что больше так не буду и обещаю нигде не участвовать».</i></p> <p><i>«Сильно кричал, был агрессивен. Не открыл нам окно-кормушку, когда девушки говорили, что не хватает воздуха. Называл нас суками».</i></p> <p><i>«Вел себя очень агрессивно. Этот Евгений сопровождал нас из камеры, орал на всех матом и бил дубинкой, если кто-то не стоял, уткнувшись в стену, пытаюсь повернуть голову».</i></p> <p><i>«Был на 2-м и 3-м этажах. Унижал, оскорблял, бил людей. Слышно было из камеры. Ему это все доставляло огромное удовольствие. Также ненавидел женщин, называл бесполезными насекомыми».</i></p> <p>После августа 2020 года</p> <p><i>«Он заставлял именно встать ночью на ноги [пытка депривацией сна]. Он очень грубо относился ко всем, очень грубо. Его раздражало, что мы смеемся иногда. А мы же хотели хоть как-то, чтобы не сойти с ума от всего этого — играли как-то, отвлекались. Его раздражало то, что мы смеялись, он тогда начинал громко молотить в дверь».</i></p> <p><i>«И сказал, что раз вы такие вопросы задаете [требование матрасов и спальных мест], вас посетил мистер пропер [выливают хлорную жидкость из ведра на пол камеры]. Говорит: „Вам бесплатный совет даю, убирайте как можно быстрее, потом к ночи охренеете!“ Насколько я знаю, это был сотрудник довольно известный Врублевский Евгений».</i></p>

№	ФИО	Описание
10	<p>Гуторова/Лях Евгения Михайловна</p> 	<p>Опознана опрошенными и через социальные сети</p> <p>Непосредственно причастна к фактам жестокого обращения с задержанными. Лично избивала, оскорбляла и угрожала задержанным. Отказывала в просьбах о медицинской помощи.</p> <p>По сегодняшний день пытается политических заключенных.</p> <p><i>«Не реагировала на просьбы о воде. Сверху со 2-го этажа, как животным, скинули нам на 123 человека в прогулочный дворик за 12 часов 3 раза только по 6 литров воды. Она и еще одна сотрудница избивали девушек на 2 этаже. У девушек камера была на 4 человека, в которой было более 40 человек. Избиения были 10 августа».</i></p> <p><i>«Очень похожа на женщину, которая отказала мужчине с диабетом в предоставлении врача либо же укола инсулина, сказав ему: „Ты здесь сдохнешь“».</i></p> <p><i>«Надзирательница, которая заставляла меня при задержании раздеться и присесть (перед видеокамерой), вырвала из моих кроссовок стельки, толкала меня в спину. Потом уже на втором этаже перед камерой ударила меня коленом в живот один раз. И повторила это в день моего суда 13 августа утром».</i></p> <p>После августа 2020 года</p> <p><i>«Пыталась выслужиться перед начальством. Когда была ее смена, нельзя было даже лежать на полу. Если что-то делали не так, как ей вздумается — звонила и жаловалась. Но при этом любила говорить, что она же ничего плохого не делает и так много „позволяет“».</i></p> <p><i>«Одна из самых мерзких „продольных“. Оскорбляла, забирала из камеры вообще все, что ей не понравится (например, приспособление, с помощью которого можно было окно закрыть — соответственно один раз остались с открытым окном в холодное время суток). Дневные осмотры проводила с особым удовольствием, раскидывала вещи/лекарства, рвала, ломала вещи и топталась по ним. Была в звании старшины».</i></p>
11	<p>Соколовский Иван Юрьевич</p> 	<p>Опознан опрошенными</p> <p>Непосредственно в пытках не опознан, однако отказывал избитым и раненым людям в госпитализации. С его молчаливого согласия применялись пытки. Видел избитых и раненых, никак не реагировал на нарушения законности.</p> <p><i>«Соколовский, достаточно полный мужчина. Из-за него я не смог уехать на скорой с Окрестина. На территорию ЦИП заезжали кареты скорой, осматривали задержанных, самых тяжелых забирали. Меня отвели в машину скорой, врачи провели стандартные процедуры, чтобы установить мое состояние. С нами в машину набрали еще 3–4 задержанных. Точно была девушка, мы уже практически собирались уезжать, но это не понравилось Соколовскому. Начал кричать, практически за воротник вытянул всех из машины, со словами „Все, халява закончилась!“ После кричал еще, что больше никаких скорых на территории. Если ничего не путаю, ситуация была 12.08.20 г., где-то в диапазоне 10:00–13:00. Ближе к обеду. Именно он стал причиной того, что я находился на ЦИПе полтора суток с сотрясением мозга и перфорацией барабанной перепонки, взамен того, чтобы вовремя получить медицинскую помощь».</i></p>

№	ФИО	Описание
12	Есмантович Сергей Николаевич 	<p>Опознан через социальные сети</p> <p>По событиям 9–14 августа 2020 года с точностью не опознан, однако, по свидетельствам потерпевших, применяет пытки и жестокое обращение с задержанными в ЦИП по сей день.</p> <p><i>«Это, если не ошибаюсь — майор. Оскорблял, унижал. Орал матом, женщин особо ненавидел политических».</i></p> <p><i>«Был в звании майора, один из дежурных. Избил мужчину за то, что тот „не так“ ответил Гуторовой. Удар был резиновой палкой по спине. В целом матом разговаривает, наполняет камеры по 20 человек и подсаживает [в камеры к политическим] бездомных».</i></p>
13	Кулагин Эдуард Геннадьевич 	<p>Опознан через социальные сети</p> <p>По событиям 9–14 августа 2020 года с точностью не опознан, однако, по свидетельствам потерпевших, применяет пытки и жестокое обращение с задержанными в ЦИП по сей день.</p> <p><i>«В основном видел на вечерних осмотрах, с киянкой (киянкой простукивались кровати). Отвешивал несмешные шутки о том, что конкретно у нас, политических, нет прав, и оскорблял».</i></p>

С целью недопустимости избежания ответственности лиц, причастных к пыткам в ЦИП на Окрестина, процесс их опознания продолжается.

Если вы знаете или узнаете кого-либо из силовиков на опубликованных фото¹⁶, просим связаться с Международным комитетом по расследованию пыток в Беларуси (сайт <https://torturesbelarus2020.org/ru/>, e-mail: contact@torturesbelarus2020.org, Telegram: @ICTB2020_contact). Гарантируем максимальную безопасность при коммуникации.

16. <https://tegra.ph/Opoznanie-Sotrudniki-CIP-Okrestina-02-02>

Правовая квалификация действий сотрудников силовых органов Беларуси

Приведенные выше многочисленные свидетельства показывают, что в отношении задержанных мирных граждан 9–14 августа 2020 года сотрудниками Министерства внутренних дел на территории Центра изоляции правонарушителей ГУВД Мингорисполкома в г. Минске были осуществлены массовые широкомасштабные акты насилия, мучений и жестокости, выразившиеся в следующем.

Схваченные на улицах города Минска и доставленные в ЦИП граждане подвергались организованному избиению путем их прохождения через строй сотрудников, вооруженных дубинками (так называемые «коридоры»). Затем во дворе ЦИП задержанные выстраивались вдоль стены и в статической позе, на коленях с поднятыми вверх руками, иногда совершенно голые, под угрозой или с применением насилия содержались на протяжении долгих часов, также испытывая мучительные страдания и боль. За малейшееслушание, робкий протест и простое требование соблюдения прав они получали избиения, оскорбления, угрозы изнасилованием и т.п.

В отношении задержанных женщин применялось физическое насилие, циничные оскорбления, угрозы изнасилованием, в том числе в извращенной форме; досмотры женщин носили унижительный характер, а иногда проводились в присутствии мужчин.

Особой жестокостью отличалось содержание сотен людей в так называемых прогулочных дворах. На протяжении 12–15 часов, а иногда и до двух суток, люди, в большинстве своем избитые, зачастую полуголые, без пищи и воды, без посещения туалета, холодными ночами содержались в бетонных коробках под открытым небом, из-за тесноты не имея возможности ни сесть, ни лечь.

Таким же было и содержание задержанных в чудовищно переполненных камерах, где они вынуждены были спать на полу, столах, тумбочках, у туалета. Положенные по закону матрасы, постельные принадлежности, туалетная бумага, предметы женской гигиены не выдавались. Из-за духоты и высокой влажности задержанные нередко теряли сознание. В камерах царили антисанитария, зловоние, тараканы. Сутками задержанным не выдавали пищу, любые требования о соблюдении их прав подавлялись либо силой, либо в камеру заливалась вода или водный раствор хлора, что делало условия еще более невыносимыми. Медицинская помощь зачастую не оказывалась, лекарства не выдавались.

Большинство опрошенных граждан также отмечали, что либо видели сами либо слышали из камер или прогулочных дворов, как по ночам во дворе ЦИП осуществлялись массовые избиения граждан, доставленных с улиц города.

При таких обстоятельствах отраженные в настоящем докладе действия силовиков ОМОН и ЦИП ГУВД Мингорисполкома в отношении задержанных людей являются преступными как по внутреннему, так и по международному праву.

Эти действия полностью охватываются составом преступления, предусмотренного ст. 128 Уголовного кодекса Республики Беларусь (преступления против безопасности человечества), согласно которой незаконное содержание в заключении, пытки или акты жестокости, совершаемые в связи политическими убеждениями гражданского населения, наказываются лишением свободы на срок от семи до двадцати пяти лет, или пожизненным лишением свободы, или смертной казнью.

С точки зрения международного уголовного права изложенные акты насилия квалифицируются согласно подпунктам e), f) и k) пункта 1 статьи 7 Римского статута Международного уголовного суда как преступления против человечности в виде заключения в тюрьму или другое жестокое лишение физической свободы в нарушение основополагающих норм международ-

ного права, а также в виде пыток и других бесчеловечных деяний аналогичного характера, заключающихся в умышленном причинении сильных страданий или серьезных телесных повреждений или серьезного ущерба психическому или физическому здоровью.

Является весьма важным и то, что с учетом того, что преступление, предусмотренное ст.128 УК, относится к наиболее опасным преступлениям против мира и безопасности человечества, ст. 85 УК устанавливает, что лица, виновные в совершении этого преступления, освобождению от уголовной ответственности или наказания в связи с истечением сроков давности не подлежат.

Однако реализация уголовной ответственности виновных лиц в рамках существующего в Беларуси политического режима в настоящее время практически невозможна, ибо маловероятно, что она будет осуществлена теми же лицами, которые и являются виновными в совершении этих преступлений.

Практически неосуществимо и предание виновных Международному уголовному суду - Республика Беларусь не является участником Римского Статута.

Наиболее перспективным в этом смысле с практической точки зрения является использование механизма универсальной юрисдикции.

По имеющейся информации, один уголовный процесс в порядке универсальной юрисдикции по событиям в Беларуси в 2020 году начат в Литве¹⁷.

17. <https://www.prokuratos.lt/lt/pre-trial-investigation-launched-into-possible-torture-of-a-person-in-a-foreign-state/7240>